

18+

АЛЕКСАНДР ЧЕРЕНОВ

Брежнев: «Стальные кулаки в бархатных перчатках»

КНИГА ВТОРАЯ

Александр Черенов

**Брежнев: «Стальные
кулаки в бархатных
перчатках». Книга вторая**

«Издательские решения»

Черенов А.

Брежнев: «Стальные кулаки в бархатных перчатках». Книга вторая
/ А. Черенов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-517296-9

«Беспощадный боец со стальными кулаками, хотя и в бархатных перчатках», «Железные кулаки в бархатных перчатках». Это всё — о Брежневе. Леонид Ильич был умным, хитрым и жёстким лидером, настоящим борцом за власть. «Быть Генеральным секретарём ЦК — это не значит благодушно царствовать, это постоянное маневрирование, сложные расчёты, милые улыбки и внезапные удары» (М. Восленский). Настоящий Брежнев — такой. Таким он и побеждает своих куда более образованных и якобы более достойных соперников...

ISBN 978-5-00-517296-9

© Черенов А.
© Издательские решения

Содержание

Глава тридцать пятая	6
Глава тридцать шестая	12
Глава тридцать седьмая	22
Глава тридцать восьмая	27
Глава тридцать девятая	35
Глава сороковая	39
Глава сорок первая	48
Глава сорок вторая	58
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Брежнев: «Стальные кулаки в бархатных перчатках» Книга вторая

Александр Черенов

© Александр Черенов, 2020

ISBN 978-5-0051-7296-9 (т. 2)

ISBN 978-5-0051-7256-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава тридцать пятая

– Слушай, Александр Николаевич, чего ты добиваешься?

После долгих раздумий Леонид Ильич «наступил себе на горло», чтобы очистить его от накопившихся слов. Вопреки себе, он решил поговорить с Шелепиным напрямую и высказать ему всё, без обиняков. Сегодня же. После заседания Политбюро: отдельно вызывать главу ВЦСПС к себе Генеральный не хотел: много чести – и мало удовольствия.

Александр Николаевич в последнее время большей частью демонстративно отмалчивался на заседаниях. И не один, а в компании Воронова и Полянского. Последние старались отмалчиваться соло, но это не помешало Леониду Ильичу объединить их с зачинщиком. Один Шелест изредка пытался «шелестеть», явно недовольный умалением своей роли и почти открытым игнорированием собственного мнения, пусть за частую и отсутствующего.

Вот и сегодня Шелепин за два с половиной часа не проронил ни слова, «отметившись» лишь парой неприязненных взглядов по адресу Генерального секретаря.

– Что Вы хотите этим сказать?

Шелепин, хоть и был моложе Брежнева почти на двенадцать лет, но в былые времена, с глазу на глаз, нередко обращался к Леониду Ильичу по-свойски, на «ты». Сейчас же не хотел этого делать, явно оппонируя Брежневу «по линии доброжелательности». И не только потому, что на «ты» Генсек был лишь со «своими» или с кандидатами в «свои», а с прочими – только на «вы». И не только потому, что Александр Николаевич предпочитал ясность: он сам не хотел «сокращать дистанцию». Не из политической целесообразности, не в порядке демонстрации: от внутреннего чувства, подлинного и глубокого.

И Брежнев понял всё и сразу. Он понял, что разговор «по душам» заканчивается, фактически и не начавшись. И, тем не менее, он «не выключил микрофон».

– Александр Николаевич, что бы ты обо мне ни думал, я к тебе отношусь с искренним уважением. Можешь иронизировать, можешь не верить – это так.

– С искренним уважением? Как к достойному врагу?

Лицо Шелепина, если и изменилось, то лишь в сторону ещё большей кривизны: «благими намерениями дорога к отставке вымощена». Но Леонид Ильич, похоже, и не рассчитывал на трансформацию обратного порядка.

– Я не буду скрывать: мы с тобой – не друзья-приятели. Как-то так получилось... что не получилось. Ну, что ж: бывает. Но это не должно мешать нормальным отношениям. Это не должно мешать совместной работе: дел – по горло! И, уж, тем более, несходство во взглядах не должно делать нас врагами. Я, со своей стороны, не считаю тебя врагом. Ты, Александр Николаевич, мне – не друг, но и не враг!

– «И не друг, и не враг – а так!»

Шелепин добавил лицу кривизны. Но удивительное дело: «наружу» прорвалось и что-то от души. Какая-то частичка искренности – и это была не искренняя враждебность. Скорее – грусть по несбывшемуся себе и неизбывшемуся Брежневу.

– Нет, Александр Николаевич...

Генсек упорно «третировал» Шелепина именем-отчеством.

– ... не так. Прежде всего, я считаю тебя толковым руководителем. Очень толковым. Даже талантливым руководителем крупного масштаба...

Брежнев посверлил взглядом собеседника, явно не ждавшего, но и не желавшего комплимента – и «дострелил» фразу:

– ... который все свои таланты растрчивает на амбиции – вредные, в первую очередь, для него самого.

Намёк был более чем прозрачным, но Александр Николаевич вновь постарался его не увидеть. Очень постарался. Леонид Ильич опять «перезарядил ружьё».

– А ведь мы могли бы дружно работать. На пользу делу. К взаимной выгоде.

И этот намёк был достаточно откровенным, тем более что Леонид Ильич сопроводил его выразительным маневром бровей.

«Напрасно стараешься, товарищ волк в овечьей шкуре! Меня на эту туфту не купишь!».

На этот раз Шелепин не стал игнорировать намёк. Всё, что он думал о Брежневе и его «искушении», без труда читалось в его взгляде. И взгляд этот был не менее выразительным, чем тот, который его «соблазнял» Генеральный секретарь.

– Я вовсе не открываю торги по принципу «ты – мне, я – тебе».

Леонид Ильич без труда «расшифровал» всё, «сказанное» глазами Шелепина.

– Поэтому в мои намерения не входит предлагать тебе прежнюю должность: в Секретариате вакансий нет.

– Неужели?

«Шурик» вновь изыскал резерв для дополнительной кривизны: в прошлом году Брежнев «продвинул» в секретари ЦК Катушева, который в своё время «правильно» сориентировался «в вопросе Егорычева». Это – к вопросу об отсутствии вакансий.

– Но мы могли хотя бы нормализовать отношения.

Леонид Ильич сделал вид, что не заметил иронии профсоюзного «босса».

– «Нормализовать»? – перемешал иронию с любопытством Шелепин. – Что Вы имеете в виду?

– Перестань склочничать за моей спиной!

Леонид Ильич выразился прямо и совсем «недипломатично». Выразился именно так, как и хотел: устал «занавешиваться» улыбкой. Прозвучало это пожелание довольно жёстко и однозначно, хотя и сопровождалось совершенно не злым взглядом.

– И не настраивай других против меня!

– Это я настраиваю?!

Ещё не закончив фразу, «Шурик» принялся «накручивать себя». Маски были сброшены: «вечер переставал быть томным».

– Вы, который методично выдавливают из Политбюро всё мыслящее иначе, всё противящееся Вашему курсу на единовластие, обвиняете меня в том, что я настраиваю людей против Вас?!

Александр Николаевич отвёл взгляд в сторону, «по пути» звучно фыркнув.

– «Чем кумушек считать трудиться, не лучше ль на себя, кума, оборотиться?»

Леониду Ильичу и не нужно было видеть сейчас выражения лица Шелепина: голос Александра Николаевича, переполненный желчью, отрабатывал за двоих. «Стирая с лица остатки грима», Брежнев вздохнул.

– Ну, вот что...

Добродушие «приказало долго жить».

– ... как я вижу, Вы, товарищ Шелепин, доброго отношения к себе не цените. Поэтому я скажу прямо: не играйте с огнём, Шелепин! Мне известны не только все Ваши разговоры – мне известен каждый Ваш шаг! Учтите это: в отличие от Полянского, я не дам Вам повода считать себя идеалистом!

Александр Николаевич почувствовал, как у него нехорошо засосало под ложечкой, а по внутренностям пробежал холодок – совсем даже не бодрящий. Генсек почти дословно процитировал его «времен последнего разговора» с Полянским и Вороновым.

«Подслушивают! А, может, и „хвост“ приставили!»...

В тот же день Александр Николаевич поделился информацией с Вороновым и Полянским. На этот раз – соблюдая все правила конспирации, почему содержание randevu, в отличие от факта такового, и осталось для Брежнева неизвестным.

– Это – предупреждение всем нам, – мрачно резюмировал Геннадий Иванович, когда Шелепин закончил «изливать душу». – Ясное и недвусмысленное. И думаю, что Лёня не станет церемониться ни с кем из нас.

– И что ты предлагаешь? – вскипел Шелепин. – «В кусты»? Не рановато ли, Гена?

Воронов устало махнул рукой.

– Ничего я не предлагаю, не заводись! Просто я думаю, что нам нужно перенести центр тяжести на Политбюро и Пленум. Хватит играть в «заговорщиков»: пора «идти в народ». Это – к вопросу «о кустах». Брежнева нужно «валить» гласно. На людях! Иначе он нас всех «отработает» поодиночке.

– Легко сказать: «на людях»...

Полянский качественно посерел лицом. В последнее время у них обоих – у него, и у его лица – было всё меньше оснований для мажорного окраса.

– Вот именно! – буркнул Шелепин, не оставив друга без поддержки и не оставшись без неё сам. – Для того, что «свалить» Лёню на людях, нужно подготовить людей. Очень много людей! Не на Политбюро же мы будем их готовить!

– Но и не здесь! – веско парировал Воронов. – Хватить уже нам уподобляться базарным кумушкам, да плакаться друг другу в жилетку! Пора активизировать работу на периферии... пока ещё не поздно...

Наступило молчание. На всех наступило. Первым выбрался из-под него Полянский.

– Гена прав, Шура. А то мы только разговорами занимаемся. Да и то – друг с другом. Дальше разговоров дело-то не идёт...

Он огорчённо махнул рукой.

– А какие были планы! Даже наметили участки работы! Кое-что даже успели сделать... по мелочам. Но «до ума» так и не довели... Ну, вот почему у нас, у русских, всё – не как у людей?!

Он покосился на мрачного, как туча, Шелепина: вопрос был слишком глобальным для того, чтобы Александр Николаевич мог ответить на него. Тем паче – в цензурной форме. Не дождавшись «рассмотрения крика души», Полянский ещё раз упал духом:

– А ещё жалуемся, что Лёня «оптимизирует» нас поодиночке... Лёня действует так, как и любой из нас действовал бы в подобной ситуации...

«Одобрив Лёню», Дмитрий Степанович повернулся к Воронову.

– Я, Гена, полностью согласен с тобой в том, что надо «идти в народ». Без поддержки Пленума мы Лёню не «уговорим». Шансов убраться его на Политбюро у нас нет. Уже сейчас нас – меньшинство. Как говорится, «ты да я – да мы с тобой».

– Опять...

Шелепин, наконец, оторвал зад от подоконника, на котором восседал всё то время, пока его соратники дружно посрамляли «плач Ярославны».

Взгляд его изменил точку на полу – и теперь был посвящён Дмитрию Степановичу. От былого минора не осталось и следа. Да Александр Николаевич и не имел такой привычки: впадать в уныние. Даже тогда, когда впадал – немедленно выпадал обратно. Он мог ожесточиться, разгневаться – но только не протечь глазами, а тем паче, носом. В чём, в чём, а в «пузырях» из носа он ещё не был уличён ни разу.

– Слышали уже! Мог бы чего-нибудь поновее придумать! «Ты да я, да мы с тобой»!.. Ты – неисправимый «оптимист», Митя?! Нет, брат: не «ты да я» – а Шелепин, Воронов, Полянский, Шелест, Суслов!

– Суслов?!

Дмитрий Степанович ещё не определился с реакцией: посмеяться – или всего лишь не поверить?

– А ты не выдаёшь желаемое за действительное?

– Не спать надо на Политбюро и не предаваться мыслям об отставке, а наблюдать и анализировать, Дмитрий Степанович!

Голос Шелепина был злой и весёлый.

– Я, в противоположность тебе, Митя, хоть и молчу на Политбюро, но всё вижу, слышу и замечаю.

– И что же ты заметил такого, чего мы с Геннадием Ивановичем не заметили?

Полянский решительно подтянул к оппозиции Воронова: неудобно оставаться в одиночестве перед лицом факта. Геннадий Иванович особенно и не сопротивлялся. Ему тоже было интересно узнать, каким образом Суслов угодил в союзники.

– Ну, я хоть и не физиономист, – ухмыльнулся Шелепин, про себя считая, конечно, иначе – но не раз уже заметил, как от брежневского «я» на лице Михаила Андреевича буквально желваки ходят.

– «Желваки»...

Полянский с сомнением покривил щекой.

– А более солидных доводов у тебя нет?

– Есть! В последнее время участились случаи, когда Брежнев даёт оценки событиям, не согласовывая их с Политбюро – даже тогда, когда речь идёт о теории. Ну, или «на грани» этого. Вы, конечно, «проспали» эти моменты, но я-то сразу «ущучил»: речь идёт о «покушении на права» главного идеолога. Брежнев залез явно не в свой «огород»!

Сомнений на лице Полянского не стало меньше – и Воронов составил ему в этом активную компанию. Но Шелепина это не смутило: его ничто не могло не смутить – даже неудобство «самых» Генсека.

– Скажите: читали ли вы труды Леонида Ильича?

– ??? – дружно, в унисон отработали Полянский с Вороновым.

– Нет, вы меня не поняли: не доклады ЦК, а работы за подписью самого Брежнева?

– ...

Оппоненты недалеко ушли от«???»: за горестными размышлениями о вечном – в контексте брэнного – они явно отстали от жизни.

– А ещё хотите «свалить» Брежнева!

Шелепин укоризненно покачал головой. Для пользы дела он даже от усмешки отказался.

– Ведь ещё Владимир Ильич сказал: «Чтобы победить врага, надо знать его оружие!». А статейки, написанные, разумеется, не Леонидом Ильичом, но «тиснутые» под его фамилией, весьма любопытны. И даже не столько по части глубокомысленных суждений – хотя потуги на это имеются – сколько по части претензий на «истину в последней инстанции». Брежнев позволил себе соединить теорию и практику, не согласовав эту операцию с главным идеологом. Это чувствуется и по разнице в стилях, и по несходству суждений.

– «Разницы в стилях», – за двоих усмехнулся Полянский: за себя и за «докладчика». – Какой может быть стиль у Суслова? Наберёт цитат, тят-ляп – и готово! «Стиль»! Читать же невозможно: в сон клонит!

– Ну, идеологический труд – это не беллетристика, – «заступился за идеолога» Шелепин. – И стиль у Суслова имеется. Ужасный, казённый, «неживой» – но имеется. Кстати, хорошо узнаваемый именно благодаря отрицательным качествам.

Вот теперь Шелепин усмехнулся. Опять же – для пользы дела.

– ... Пока ещё узнаваемый. Потому, что, похоже, скоро работы идеологического толка будут «кроиться» по одному «лекалу». Но пока этого не произошло, я, таки, смог найти «десять отличий».

Он перебрался взглядом через плечо в сторону заскучавшего Воронова: неисправимый прагматик, Геннадий Иванович был далёк от теории.

– Как ты думаешь, Гена, понравится главному идеологу, что его начинают обходить – как то бревно, что лежит посреди дороги?

– За что ты его так? – не слишком посочувствовал идеологу Воронов: помешала ухмылка.

– Для большей наглядности, – не слишком извинился Шелепин. – Не ищи здесь идеологической подоплёки. Тем паче, диверсии.

– Ну-у... – «определился с позицией» Геннадий Иванович, пожимая плечами.

– Вот то-то и оно!

Указательный палец Шелепина отработал восклицательным знаком.

– Не понравится! И это – как минимум! Сулов, который «сидел на идеологии» при Сталине и Хрущёве, не потерпит такого посягательства на свой «суверенитет» от какого-то Брежнева!

Взгляды оппонентов повеселели: Александр Николаевич «разбрасывал жемчуг» явно не вхолостую.

– Значит, у нас есть ещё один союзник! И не он один...

– ???

И пауза – а Шелепин был мастер на них – тоже не пропала втуне.

– Подгорный!

– Ну-у-у...

Вздых разочарования, вырвавшийся «из недр» Воронова и Полянского, был единодушным.

– А вот, увидите!

Минор товарищей совершенно не смутил Шелепина: «не на того напали». Скепсис окружающих всегда являлся для него лишь дополнительным раздражителем. Не «по линии раздражительности»: «по линии стимуляции к творчеству». Во всех иных аспектах скепсис был обречён: Александр Николаевич совершенно не был подвержен самокопанию и мнительности. Самоанализу – да! Размышлениям как руководству к действию – да! Но – не самокопанию!

– Уже сейчас Николай Викторович скрежещет зубами, видя, как Брежнев «тихой сапой» прибирает к рукам власть, а ему оставляет лишь видимость её. О том ли мечтал Подгорный в октябре шестьдесят четвёртого? Николай Викторович до сих пор уверен в том, что именно он «усадил» Брежнева «на трон»! Сколько раз я лично слышал от него эти ностальгические «мы с Лёней», «мы с Леонидом Ильичом»!

Он не пожалел лица на ухмылку.

– Тогда – ностальгические. Сейчас – не уверен... Думаю, что тональность его мемуаров уже поменялась – и существенно. Нет, он, конечно, пока не готов поддержать нас против Брежнева. Напротив: голову даю не отсечение, что сегодня он поддержит Брежнева против нас. Но – только сегодня...

Прямо на глазах товарищей усмешка перепрофилировалась в улыбку.

– Чему? – «соответствовал» Полянский.

– Да, понимаешь, вспомнил один из законов диалектики: «единство и борьба противоположностей». Так вот, с одной стороны то, что время идёт – это плохо: оно работает на Брежнева. Но с другой стороны, тот же самый процесс играет уже в нашу пользу: с каждым днём некоторые из бывших сторонников Леонида Ильича всё активнее превращаются в его противников. При самом деятельном участии «нашего дорого» Леонида Ильича.

– И что это значит? – выглянул из-за рюмки Воронов, мелкими глотками, подобно гурману, вкушавший армянский коньяк.

Прежде чем ответить, Шелепин «составил компанию» – и даже «разделил участь».

– «Что значит»? Ну, прежде всего, это значит, что незачем нам лить...

– Слезы?

– Сопли! А во-вторых, это значит то, что мы не можем ждать, пока наши потенциальные союзники «дозреют». Может случиться так, что их готовность уже не понадобится ни им, ни нам. Ты, Гена, прав: независимо от расклада сил в Политбюро, надо «идти в народ». И начинать «хождение» немедленно, пока «до двенадцати» ещё далеко...

Воронов «добил» рюмку – и покривился не столько от продукта, сколько от участи:

– Это же надо: мы вынуждены прятаться! Как при царском режиме! Мы – те, кто хочет остановить этого самодержца и уберечь партию от его «мудрого руководства»! Мы – те, кто не ищет ничего личного в этой борьбе!

Он осторожно покосился на Шелепина, чересчур старательно отсутствующего в этот момент лицом – и внёс коррективы.

– Ну... практически ничего. Мы – те, кто должны бить в набат с высоких трибун, прячась по «конспиративным квартирам»! Это же только представить: три члена Политбюро, «возводившие на трон» Генерального секретаря – как какие-нибудь диссиденты! Ну, чем не сюжет для романа?!

– Скорее – для анекдота, – не улыбнулся Полянский.

Уточнение Дмитрия Степановича не стало «лучом света в царстве тьмы»: слова Воронова упали не на «камень». Шутки шутками – а, в случае чего, можно было поплатиться не только местом, но и тем, чем на нём сидят. Первым «отрешился» от отрешённого взгляда Шелепин.

– Будем готовиться: а что нам ещё остаётся?! «Рубикон перейдён» – и не только Лёней...

Глава тридцать шестая

В середине декабря произошло событие, которого ждали и боялись противники Леонида Ильича. Затишью пришёл конец. Нарушилось хрупкое равновесие – и ситуация пришла в движение: Брежнев выступил с речью на Пленуме ЦК. Казалось бы, что тут такого: на то он и Генеральный секретарь, чтобы выступать с речами и докладами. Но не всё было так просто: Леонид Ильич выступил со своим материалом! С материалом, не согласованным с Политбюро! Впервые за всё время после октября шестьдесят четвёртого! И неважно было, что выступил он не с отчётным докладом, а всего лишь в прениях, в числе прочих «записавшихся». Главное заключалось в самом факте такого выступления, который ещё больше «усугубился» содержанием.

Ладно бы, если бы это был рутинный текст, исполненный обычной демагогии! Увы: это было конкретное, жёсткое, временами злое – и даже агрессивное – выступление. А всё – потому, что Брежнев сказал правду. Как минимум, много правды. Грубой и нелिцеприятной. О действительно наболевшем: о положении дел в экономике.

Пленум в лице членов ЦК от провинции был впечатлён. Политбюро – больше того: потрясено. Особенно та его часть, которая к настоящему времени утратила большую часть былой симпатии к Генеральному секретарю. Мало того, что народ «отвык от грубостей»: последний «такой» Пленум с «избытком» правды состоялся осенью шестьдесят пятого – так ещё и содержание доклада оставалось тайной «за семью печатями»! И для кого: для самих членов Политбюро!

Слушая Брежнева, Суслов чувствовал, что ему становится дурно. По-настоящему дурно. Так критиковать «постхрущёвское» правительство ещё не отваживался никто. Правда, по форме вроде бы критике подвергалась работа Госплана и его председателя Байбакова. Но «понимающие люди» понимали: булыжники сыплются «в огород» Председателя Совета Министров. Тем более что у Брежнева с Байбаковым – в противоположность Косыгину – были отличные отношения. Или, как минимум, хорошие: доверительные – и с прицелом на долгосрочную перспективу.

Когда после выступления Брежнева прения возобновились, всё стало окончательно ясно: выступающие получили команду «фас». Не «пошли носом по ветру» – а именно получили команду! Речь Брежнева начала стремительно приобретать очертания программной.

Поражала отменная режиссура Пленума. «Былинники речистые» рекли в унисон. Не было ни одного, «отклонившегося от темы» – не говоря уже «о курсе». Все критиковали, осуждали – и даже клеймили. Особенно запомнилось выступление первого секретаря Алтайского крайкома Георгиева: вот, уж, кто «дал жару»! В отличие от тех, кто выступал до него, «алтаец» не ограничился критикой Госплана, а ударил в открытую – «по штабам»! То бишь, по Совету Министров и его Председателю.

Сквозь запотевшие стёкла очков Суслов видел, как Брежнев «вкушал» удовлетворение фактом и содержанием выступления явно не случайного «алтайца». Смелчак наверняка «не ошибся дверью». Леонид Ильич не жалел одобрительных взглядов по адресу симпатизантов, и даже не пытался стеснительно потуплять взор, когда «ораторы» то и дело «верноподданно» ссылались на его выступление.

Больше всего Михаила Андреевича поразило то, что ни один из участников прений не только не сел защитником премьера, но и не встал! Отдельные робкие слова одобрения по отдельным же моментам тут же тонули в море критики, зачастую не вполне объективной по отношению к Алексею Николаевичу. И, что самое любопытное: не сами тонули – докладчики же и топили их. Те самые: авторы слов одобрения. И не для баланса, а чтобы их «правильно поняли». Вернее, чтобы, не дай Бог, «не поняли неправильно».

Суслов, если и не симпатизировавший Косыгину, то в значительно меньшей степени, чем Брежневу, с классической «болью в сердце» наблюдал за тем, как деморализованный премьер буквально не знал, куда себя деть во время обструкции. Итогом это незнания явилось то, что после душевных метаний он и вовсе отказался от слова. Отказался от возможности защитить и реабилитировать себя и своё дело.

«Вот тебе и Леонид Ильич!» – даже сквозь очки пробилось на лицо Суслова. В «человеке в футляре» человек на мгновение выглянул «из футляра». – «Недооценили мы тебя, дураки. А ты всех обвёл вокруг пальца! Каким пайнёвкой обернулся: рубаха-парень, да и только! Стойкий борец за дело коллективного руководства!»

Не только Суслов, но и большинство наиболее сообразительных участников Пленума уже не сомневались в том, что по позициям главы правительства нанесён сильнейший удар. Заместивший его на трибуне Байбаков де-факто выступал не столько за него, сколько за себя. Это было понятно: «своя рубашка» – как своя задница. И Председатель Госплана аккуратно «опустил» выпады против премьера и его правительства: «двое дерутся – третий не лезь!» – и сосредоточился исключительно на вопросах планирования. По лицу Леонида Ильича было заметно, что его такая позиция вполне устраивает.

«Вчера – Китай, сегодня – Пленум, а завтра – что?»

Лицо Михаила Андреевича покрылось хорошей, такой, мертвенной бледностью. Суслов редко краснел. И не от бесстыдства: от биологии. Поучаствовало в этом и сердце «главного идеолога». Не горячее: больное. Михаил Андреевич страдал атеросклерозом сосудов и коронарной недостаточностью.

Несмотря на не самое творческое состояние, Суслов начал прокручивать в мозгах события последнего времени. К месту припомнилась и Чехословакия. В числе прочих мероприятий, она явно поработала на авторитет Леонида Ильича. Даже в глазах Запада, не говоря уже о «своих», он показал себя единственной «твёрдой рукой» в составе Политбюро. И Чехословакия была только звеном в цепи, на которую Брежнев намеревался посадить товарищей.

Суслов провёл дрожащей рукой по вспотевшему лбу. Как ни страшно – а пускать вопрос на самотёк было нельзя: самотёком могло унести и его самого. «Промедление смерти подобно!» – и какая тут, к чертям, ирония! Если не остановить Ильича Второго сегодня – завтра уже не будет! Вернее, оно будет только у Брежнева!

Даже себе Михаил Андреевич не признавался в том, что его действиями руководит отнюдь не коммунистическая принципиальность, а инстинкт самосохранения. Нет, он не боялся признаться: не хотел. И, потом: разве это – показатель непопорядочности? В конце концов, инстинкт самосохранения – первейший у человека. Это даже его долг!

Отсюда приверженность коллективному стилю руководству, действительно, имевшаяся у Михаила Андреевича, была производна не от стойкости его марксистско-ленинских убеждений и не от его верности принципам демократического централизма. Всё определялось бытием: хочешь быть – умей казаться!

Суслов был убеждён в том, что только отсутствие ярко выраженного центра, нового вождя, позволит ему остаться «хранителем чистоты учения». Статус «хранителя» – уникальный. Единственный в своём роде. В отдельные моменты он поднимал его выше самого Генсека. Теперь же, недвусмысленно заявляя о претензиях на безусловное лидерство, Брежнев дезавуировал негласные договорённости октября шестьдесят четвёртого. Непокколебимый статус оказался поколеблен.

Вернувшись к себе, Михаил Андреевич долго не мог успокоиться: всё думал и думал. В итоге он «задумался» до такой степени, что вынужден был принять нитроглицерин. Через пару минут закружилась голова, очертания предметов стали неясными, размытыми – но сердце понемногу отпустило. А вскоре и голова «пришла в норму». Без неё ему сейчас было – как без рук! Нужно было уже не только думать, но и делать: «промедление смерти подобно!». Само уже

не «рассосётся»! И надеяться на то, что он «неправильно понял» Леонида Ильича, означало заниматься самообманом.

А «самообманутый» политик – конченный политик. Ведь политик – не Пушкин, который «сам обманываться рад»: чему радоваться! В политике надо блеять, а не радоваться самообману!

Михаил Андреевич начал бессистемно, автоматически, перебирать машинописные листы с подготовленными его сотрудниками тезисами к столетнему юбилею вождя. Он всегда лично сам просматривал свежие наработки и давал по ним заключение. Чаще всего они сводились к предложению «подкрепить материал соответствующей цитаткой».

В шкафу у Михаила Андреевича было несколько ящичков – наподобие тех, что используются в библиотеках для хранения формуляров. И набиты они были карточками, по виду ничем не отличимыми от библиотечных формуляров. Но секретарь ЦК хранил там другие сведения, а именно цитаты из произведений Маркса, Энгельса и Ленина – а прежде и Сталина – «на все случаи жизни».

С одной стороны, это было несомненное удобство. Не надо было больше копаться в толстенных томах, разыскивая подходящее к случаю «подкрепление» классиков: нашёл карточку – а там всё, что нужно! Но с другой стороны, выглядело это не очень красиво. Попросту говоря, смахивало на обыкновенное начётничество, что не делает чести ни одному человеку, притязающему на лавры идеолога. Тем более что помощники Суслова не только знали о существовании «ящичков»: большую часть «идеологический шпаргалок» он же и готовили. Но – только впрок: копаться «в формулярах» Михаил Андреевич не доверял никому. И не потому, что стеснялся: а вдруг помощники «ошибутся адресом»?

Помощники же втихомолку посмеивались над стилем работы «главного идеолога». Уж, очень эти «ящички с формулярами» напоминали легендарную «заготовку на все случаи жизни» от Остапа Бендера. Тот самый «Торжественный комплект. Незаменимое пособие для сочинения юбилейных статей, табельных фельетонов, а также парадных стихотворений, од и тропарей»....

Но сейчас главному идеологу было не до «цитаток» – и даже не до юбилея вождя. Другие, куда более насущные проблемы, заполонили всё пространство его головного мозга – благо, им было, где развернуться: места хватало. Сейчас Михаилу Андреевичу нужно было срочно отважиться на подвиг самоспасения.

Первым делом он отложил в сторону черновики Тезисов: это обождёт. Затем он попытался сосредоточиться – но вместо этого уставился в какую-то точку на столе и «впал в анабиоз». Вряд ли он намеревался, тем самым, повторить Бодхитхарму в намерении того достичь седьмой степени самосозерцания. Наконец, он мотнул головой, сбрасывая с себя остатки опе-пенения, и, отрешившись от нерешительности, нерешительно потянулся к перьевой ручке – допотопной, как и всё, что было на нём и при нём. Пододвинул к себе лист бумаги – и честно дрогнувшей рукой вывел в правом верхнем углу: «В Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза»...

Михаил Андреевич ещё раз перечитал текст. Кажется, он ничего не забыл в своём заявлении – а это и было заявление в центральный выборный орган партии. Он не только отметил необходимость безусловного соблюдения принципа коллективного руководства, но и подкрепил этот посыл ссылками на теоретиков: вот, где пригодилась «цитатка».

Не обошёл он вниманием и примеры из недавней истории, наглядно демонстрирующие, к чему приводит забвение этих «священных» для всякого коммуниста принципов. Как ни противился в душе Михаил Андреевич, но ему пришлось в связи с этим помянуть и Сталина, и Хрущёва.

Главный идеолог остался доволен: всё чётко, все ясно – и вместе с тем, предельно компактно: уложился всего лишь на двух листах. Подобного результата в последнее время он

добивался нечасто: «подводили» чересчур старательные помощники. Увы: иногда позволять молиться не следует

и умному. Усердие не по разуму – достояние не одних дураков. Михаил Андреевич не возражал против «растекания белкой по древу», но лишь тогда, когда это мероприятие было уместно. Лишь тогда, когда это свидетельствовало в пользу философского склада его ума. Так он, во всяком случае, думал о своём уме и его складе.

Но сейчас было не до «теоретизирования»: вопрос стоял перед ним более чем практический. Прикладной, можно сказать, вопрос. Отсюда – и необычайная конкретика текста, и необычный его лаконизм, что было так несвойственно манере «главного теоретика». Михаил Андреевич мог быть доволен собой и работой. Точнее, её вводной и описательной частью: резолютивную ещё только предстояло сочинить.

Он задумался – и было, отчего. К чему призвать ЦК? Дать оценку? Указать на недопустимость недопустимого поведения Генерального секретаря? Можно. А дальше? Дальше-то что? Брежнев остаётся «у руля»? Так спустя короткое время он «вспомнит всех поимённо, горем вспомнит своим»! С него станется!

Представив себе перспективы – свои собственные – Михаил Андреевич вздрогнул. «Вызывать огонь на себя» ему явно не улыбалось. Хотя бы потому, что самопожертвование обычно – результат недоработки планирующих инстанций. Значит, оставалось думать. Правда, о чём, тут думать: «казнить нельзя помиловать!». Говорить опасно – но и молчать нельзя: так можно домолчаться и до «последнего слова подсудимого»! А затем – будущее. То самое: «шесть соток». В лучшем случае: Кремлёвская стена. Если, конечно, это – лучший случай. Нет, молчать нельзя! Значит, нужно определиться тем, что говорить. С какой целью – ясно: «Караул! Грабят!» Отсюда – единственный выход: крик души. По адресу Центрального Комитета.

Суслов немного приободрился: «я мыслю – значит, я существую».

«Так: с кем же поделиться в первую очередь – а заодно и во все последующие?»

Он принялся нервно ощупывая сухое выбритое лицо – так, словно пытался изловить ускользающую мысль. И, кажется, изловил: первым делом следовало переговорить с Шелепиным. Да и Шурик явно заждался сигнала.

От возбуждения Михаил Андреевич ещё активнее взялся за кожу, уже и так порозовевшую от обнадеживающих мыслей. Пожалуй, это был шаг в правильном направлении – пусть ещё и не сделанный. Шелепин никогда не использует против Суслова это заявление: Шурик – «могила».

И в настоящий момент соратники ему нужны, куда больше компромата. Потом – не исключено. Но до этого «потом» ещё дожить надо. Да и будет ли оно: и дожитие, и «потом»?!

Лицо его тут же посерело: тональность мыслей менялась так стремительно, что оно за ними едва поспевало. Опасаться следовало не «могильного» характера молчания Шурика, а его болтливости. Не бабьей – «революционной». Шурику всё время хотелось давать себя фигурой более значимой, чем в действительности. И, ладно, если бы «главным героем» Шурика был он сам, один: Лёня бы посмеялся – и «всех делов». Но тандем с Сусловым?!

Михаилу Андреевичу стало дурно уже от одной этой мысли. Дрожащей рукой он провёл по неприлично влажной коже лба: фирменная сухость «приказала долго жить». И немудро: такие дела! Тут не только лбом промокнешь, но и штанами – и совсем даже не потом. А, если Брежнев ещё и о письме в ЦК узнает? Шелепин вполне мог разболтать! Нет, разумнее было поговорить с Шуриком без письма: бережёного Бог бережёт.

Михаил Андреевич ещё раз качественно содрогнулся: чуть было не дал маху с эпистолой. Итак: Шелепин. Это – хорошо, но мало. Кого ещё можно подключить к делу? Суслов начал лихорадочно перебирать в уме кандидатов. Несмотря на долгую жизнь – в том числе, и в политике – Михаил Андреевич так и не научился сохранять хладнокровие в критических

ситуациях. Не смог переборот характер. Но, вместе с тем, предельным напряжением нервов и мобилизацией страха «на полезное дело» он заставлял немногочисленные мысли крутиться всё быстрее – и, в конце концов, нередко «выдавал на-гора» единственно разумный и даже спасительный рецепт.

Вот и сейчас мысли покрутились не зря. Первым из «козырей» «выглянул» Полянский. Суслов поморщился: можно, конечно. Но не сейчас. Не на этом этапе: Митя уже давно – не «лидер в забеге». Брежнев сумел его задвинуть – и тот не возражал. Во всяком случае, открыто. Может быть: Шелест? Нет: Пётр Ефимович имел много недостатков, и один – самый большой: киевская «прописка». Он – в Киеве, а вопросы надо решать оперативно. Телефон не может заменить личного общения. А, если ещё он станет «телефоном доверия»? Да и авторитет настырного хохла в последнее время заметно упал. И не сам упал: Леонид Ильич «уронили». Так что, к роли инициатора подъёма вопроса о Брежневе Шелест не был готов. Что же – до его поддержки... Поддержать он мог, но только на заключительном этапе. Тогда, когда Леониду Ильичу оставалось бы произнести: «И ты, Брут!»

Следующим в мысленную прозекторскую угодил Воронов. Энтузиазма на лице Михаила Андреевича, как минимум, не прибавилось. Конечно, Геннадий Иванович – мужчина серьёзный. И часть своего бывшего авторитета ему удалось сохранить и сегодня – не в пример Шелесту и Полянскому. Воронов – это солидно. Но Суслов очень сомневался в том, что Геннадий Иванович рискнёт «подписать на дело». Убедившись в силе Брежнева, он лишь усилил собственное бессилие. Все оставшиеся ресурсы он направил на дело сохранения бдительности. Зря, конечно: его «фирменная» осторожность – лишь отсрочка от приговора Леонида Ильича...

Опять закололо в сердце. Михаил Андреевич сунул ладонь под сорочку, и начал массировать область болезненных ощущений. А тут ещё и рука заныла. Предположительно – по его собственным предположениям – от простуды. Оговорка – не случайна: в отличие от большинства соседей по Кремлю, Суслов решительно не доверял медикам. Увы: атавизм сталинских времён. Врачам, удостоенным доступа к телу больного, приходилось несладко: тот был сам себе лекарем. И не только в теории, но и на практике: занимался самолечением. Тем самым, осуждаемым профессионалами, но которое только и гарантировало сохранность.

Ас выживания в экстремальных условиях – в политических верхах – Михаил Андреевич не хотел быть ни «недолеченным», ни перелеченным»: насмотрелся уже и на тех, и на других. В Колонном зале насмотрелся – в дни прощания.

Оставалась только одна кандидатура, на которую в таком деле он мог положиться больше, чем на Шелепина: Мазуров. Суслов ещё раз натурально покривил лицом – уже не от сердца, а «от чистого сердца»: очень, уж, не хотелось ему вовлекать в это дело первого заместителя Председателя Совета Министров. Увы: с Кириллом Трофимовичем они никогда не были близки. Более того, их отношения были скорее прохладными, чем даже просто равнодушными. С точки зрения профессионалов Кремля, Мазуров был человек неправильный: принципиальный, решительный, не терпевший беспорядка ни в делах, ни в людях, и, к тому же, прямой в высказываниях. Иногда – слишком прямой.

Не всем и не всегда это нравилось. Во всяком случае, Михаилу Андреевичу – точно. Ему претила «лобовая» прямолинейность Кирилла Трофимовича, часто переходящая в резкость и заканчивавшаяся «обменом мнениями о личности друг друга». Хорошо ещё, что обмен «мнениями о лицах лиц» не переходила на лица «участников обмена».

В отношении секретаря ЦК по идеологии Мазуров держал себя ровно, но отстранённо. Даже холодно. Ни о каком товариществе – не говоря уже о дружбе – и речи не шло. Слишком активно не искали дружбы Михаил Андреевич и Кирилл Трофимович. Да и товарищами они были только «по линии обращения». Даже – не «товарищи по оружию». В лучшем случае: «товарищи по партии».

Но то, что не нравилось Суслову в Мазурове вчера, сегодня выглядело безусловно положительным качеством. Первый зам главы правительства мог при случае нелицеприятно отозваться и о предложениях Брежнева, если не находил их разумными и обоснованными. Разумеется, это не способствовало «дружбе между народами». Поэтому Леонид Ильич не имел никаких оснований для того, чтобы зачислить Кирилла Трофимовича в ряды сторонников – даже принимая во внимание то, что Мазуров никогда не претендовал ни на более высокий пост, ни на более заметную роль. От этого он не становился менее опасным для Брежнева: Генсек рассматривал его, пусть и не как конкурента, но как лишний голос в пользу конкурента. Любого конкурента.

Принципиальность Мазурова была хорошо известна большинству членов ЦК. Конечно, он нередко вынужден был маневрировать, лавировать, отступать от ранее занимаемых позиций, соглашаться на компромиссы: увы, таковы реалии политики. Но никогда при этом Кирилл Трофимович не юлил, не изворачивался и не поступался принципами. Именно таким он и нужен был Суслову – пусть даже в качестве «мавра». Дело для «мавра» уже имелось – а его будущее определилось бы в рабочем порядке. Это – к вопросу: «сделал – может уходить». «Уходить» предполагалось, разумеется, в небытие. Всего лишь – в политическое: Михаил Андреевич не был кровожаден, но и позволять временному союзнику дорасти до постоянного врага тоже не собирался.

Итак, с кандидатурами вопрос был решён: Шелепин и Мазуров. Оставалось лишь определиться с форматом работы: с обоими сразу – или порознь? Вопрос был далеко не праздный: товарищи не всегда находили общий язык. И отношения этих товарищей были далеки от товарищеским: не сошлись характерами. В том числе – и политическими.

Но Михаил Андреевич не сомневался: общий политический интерес заставит их протянуть друг другу руку. Отворачивая и матерясь вполголоса – но протянуть! Ведь, не симпатизируя друг другу, оба, в куда большей степени не симпатизировали Брежневу. И чем больше тот «укоренялся в кресле», тем больше крепчало это чувство в обоих. Хотя, в отличие от Шелепина, Мазуров не выказывал неприязни «в неприемлемых формах»: никаких выяснений отношений, никаких косых взглядов, никаких разговоров за спиной. Правда, вряд ли от этого он становился более симпатичным Брежневу: открытый враг – всегда понятнее.

С учётом всех pro и contra Михаил Андреевич решил на «сепаратные переговоры»: «складывать все яйца в одну корзину» – неразумно. Не откладывая дела в долгий ящик... письменного стола, он тут же набрал номер домашнего телефона Шелепина.

– Александр Николаевич? Здравствуйте. Это Суслов Вас беспокоит... Спасибо, хорошо... Надеюсь, и Вы также... Александр Николаевич, мы тут готовим материалы к юбилею Владимира Ильича Ленина. Хотелось бы уточнить с Вами как председателем ВЦСПС, некоторые детали: Ильич ведь придавал большое значение профсоюзам.

Суслов был уверен в том, что Шелепин его отлично понимает. Должен был понимать – хотя бы то, что в данный момент товарища «главного идеолога» меньше всего интересует подготовка к юбилею вождя. Конспиратор даже там, где не нужно, Александр Николаевич обязан был идентифицировать текст как неизбежную дань конспирации. Михаил Андреевич не исключал того, что телефон Шелепина прослушивался: нормальная кремлёвская практика. Его, Суслова вряд ли «охватили вниманием», но сейчас он разговаривал с политиком, находящимся «под колпаком». А это далеко не то же самое, что «под каблуком». Что же – до темы разговоры... Тема – самая безобидная: подготовка к юбилею вождя. Святое, можно сказать, дело. И Брежнев, и Андропов – а, следовательно, и люди последнего – знали о том, что «идеологическая» команда Суслова активно засела за Тезисы, подключая по мере необходимости отделы ЦК – и даже отдельных лиц.

– Нет, лучше у меня... Если, конечно, Вам удобно... Очень хорошо. Тогда жду Вас завтра ровно в девять тридцать утра. Новокрещёнов будет предупреждён.

Александр Николаевич мог не сомневаться в том, что время и место встречи изменить нельзя: ровно в девять тридцать в кабинете Суслова. Если Михаил Андреевич назначил встречу, то даже вызов Брежнева не мог отменить её: Суслов нашёл бы, что сказать.

Михаил Андреевич был известен своей, чисто бухгалтерской, склонностью к точности. На работу он приходил ровно за минуту до начала: чем не Корейко?! В восемь пятьдесят девять Суслов, в неизменном долгополом пальто фасона... надцатого года и неизменных калошах неизменно же следовал мимо будки с дежурным милиционером.

На работе, не столько памятуя о «директиве» Хрущёва, сколько храня верность принципам, он не задерживался ни на минуту. Ровно в семнадцать пятьдесят девять он уже покидал кабинет. Сухой, невозмутимый, не обращающий ни какого и на что внимания – и вместе с тем видящий всё и вся. Видящий «всевидающим» оком главного цензора страны.

Педантичность «сухаря-идеолога», с одной стороны, вызывала уважение: большинство работников ЦК не столь неукоснительно придерживалось «графика». А с другой стороны, там же самая педантичность служила объектом постоянных насмешек коллег. Разумеется, за глаза: зачем травмировать Михаила Андреевича, «обладающего тонкой чувствительной душой».

Только однажды Леонид Ильич «прошёлся» по Михаилу Андреевичу в открытую. Да и то – не за «верность артикулу»: в шутку предложил «товарищам» скинуться на новое пальто для секретаря ЦК. Уж, очень убого выглядел «главный идеолог» в своём «доисторическом» одеянии на фоне брежневского «от кутюр»...

Ровно в девять тридцать Шелепин переступил порог сусловского кабинета на Старой площади: уважил, таки, старика. Обычно Александр Николаевич смотрел на эти «старорежимные привычки» довольно либерально. По крайней мере – в отношении самого себя.

Суслов долго не решался начать разговор. Явно оттягивая момент начала, он бессистемно перекладывал бумаги с одного края стола на другой, чем утомил и себя, и гостя. Но долго так продолжаться не могла: зачем тогда и звал?!

– Я хочу говорить с Вами, Александр Николаевич, прямо. Как коммунист – с коммунистом.

Шелепин мгновенно подобрался в кресле: наконец-то!

Однако и после столь многообещающего начала Суслов не сразу «распахнул душу»: «долго возился с пуговицами». Видимо, сомнение всё ещё боролось в его душе с решительностью.

– Ответьте мне, Александр Николаевич – только откровенно...

Шелепин просиял взглядом под вздох облегчения: призыв к откровенности от Суслова, да ещё не с трибуны – это что-то да значит!

– Как Вы оцениваете прошедший Пленум?

Сияния во взгляде гостя заметно убавилось: очень, уж, издалека заходил хозяин. Так как Суслов задал свой вопрос столу, Шелепин имел возможность усмехнуться, не опасаясь реакции хозяина кабинета. Взгляд его, хоть и читался с листа... то есть: с лица – без перевода, но не рикошетил от стола.

«Нужна тебе моя оценка Пленума! Что же ты, дядя, такой робкий? Помочь, что ли?».

– По-моему, всё прошло в деловом ключе.

Заметив, как Суслов раздражённо дёрнул щекой, Александр Николаевич иронически хмыкнул – про себя, конечно: «не один ты – умник!»

– А как Вам шум, поднятый вокруг деятельности правительства?

Шелепин в очередной раз воспрянул душой: «шум» – это обнадеживало. Уже одним этим хозяин давал понять гостю, что ждёт от него большей откровенности.

– Ну, где-то критика была объективной, где-то субъективной, – «отработал за дипломата» Александр Николаевич. Из тактических соображений. И Суслов понял: «время – разбрасывать камни».

– Александр Николаевич, Вас, как трезвомыслящего политика, не могла не насторожить тональность выступление Брежнева. Вы готовы к прямому ответу на вопрос?

– Если Вы его зададите, – ещё раз «ушёл» Шелепин.

Вытянутое лицо Суслова вытянулось ещё больше.

– Хорошо, Я спрошу прямо: Ваше мнение о выступлении Брежнева?

Михаил Андреевич умышленно второй раз подряд назвал Генсека только по фамилии. Потому что умному должно быть достаточно.

И Шелепин принял намёк. Как руководство к действию.

– Как отношусь? Как к очередной попытке всем показать, кто в доме хозяин.

Суслов облегчённо выдохнул – и перестал конспирироваться: разговор вступал в деловую фазу. Шелепин заметил это – и «рванул из окопа».

– Для меня несомненно, что, не согласовав выступления в Политбюро, Брежнев отбросил все условности и перешёл в атаку! В атаку на принцип коллективного руководства!

Александр Николаевич «гвоздил» уклончивость Суслова хлесткими фразами – как умелый автоматчик, который прицельными очередями «косит» противника. Каждое слово гостя попадало в цель: о том говорило лицо идеолога.

– А ведь ещё совсем недавно сам Брежнев, прикрываясь необходимостью соблюдения этого принципа, призывал членов Политбюро воздерживаться от выступления в прениях. Более того: предлагал считать доклад Генерального секретаря общей точкой зрения Политбюро! Помните этот случай, Михаил Андреевич?

Суслов кивнул головой: факт имел место.

– И вот теперь Брежнев отбрасывает этот принцип, как ненужную бумажку! Ну, как же: он убеждён в том, что его поползновениям больше ничего не угрожает!

После такой исповеди Михаил Андреевич и сам мог «снять забрало».

– Я думаю, уважаемый Александр Николаевич...

Впервые за многие годы знакомства Суслов назвал Шелепина «уважаемым». И не с трибуны, не на бумаге – а при непосредственном контакте, с глазу на глаз. Это, не то, чтобы «окрыляло», но, как минимум, бодрило даже совсем не сентиментального Александра Николаевича.

– ... я думаю. Что Брежнев заблуждается относительно решимости партии отстоять незыблемость принципа коллективного руководства.

И этот пасс идеолога пришёлся Шелепину по душе: в редакции Суслова они с ним уже олицетворяли собой партию.

– Полностью согласен с Вами, Михаил Андреевич! – не преминул он «составить компанию» идеологу. – Мы просто обязаны поставить Брежнева на место!

Позиция Шелепина настолько обрадовала Михаила Андреевича, что рука его уже потянулась к папке с письмом в ЦК: захотелось компании, а заодно, и комплиментов. Но в последний момент политическое благоразумие взяло верх над секундной эйфорией – и рука вернулась на исходную позицию. Откровенность Шелепина опять показалась хозяину чреватой последствиями – и, ладно бы, если только для Шурикам.

– Надо ставить вопрос о Брежневе на Пленуме!

Наклонившись над Сусловым, Шелепин переключился на шёпот – и заговорщически обернулся через плечо. Для большего эффекта: настоящий заговорщик.

– На ближайшем же Пленуме. В марте! А до этого мы должны подготовить общественное мнение!

– ЦК?

Шелепин решительно тряхнул головой.

– Да!

От той решительности, с которой гость тряхнул головой и словом, Михаил Андреевич «убежал в себя», чтобы уже там взять себя в руки. Так сказать – «изнутри». Судя по тому, что не удалось «здесь», это не удалось и «там»: пальцы идеолога нервно забарабанили по столу. Наконец, он «выбрался наружу» – и отважился на скользкий взгляд мимо гостя, который уже явно заждался продолжения.

– Александр Николаевич, кого мы можем подключить к делу уже сегодня?

В отличие от хозяина, Шелепин не стал «убегать в себя».

– Ну, я думаю, список наших союзников, Михаил Андреевич – это «секрет Полишинеля».

Поэтому «темнить» незачем: Полянский, Воронов, Шелест...

Он подумал немного – в том числе, и бровями – и добавил:

– ...Подгорный.

– ??? – неожиданно оказался честен Суслов.

– Но его, пожалуй, лучше задействовать на втором этапе, – тут же откорректировал список Шелепин: меньше иллюзий – больше гарантий.

Удовлетворившись поправкой: «лучше меньше – да лучше» – Михаил Андреевич не стал развивать тему. Точнее, не стал развивать тему Подгорного: тем хватало даже при дефиците фамилий.

– А что Вы думаете по поводу Мазурова?

– Мазурова?

Шелепин задумался. По-настоящему, «не играя»: покривил щекой – и даже цокнул сквозь зубы.

– Сложный вопрос, Михаил Андреевич. Так просто и не ответишь.

– А Вы не упрощайте!

Ограничивая гостя в маневре, Суслов ясно дал понять ему, что от ответа не уйти. Гость не смутился – даже ухмылку не снял с лица.

– Я бы, может, и упростил, да Мазуров не позволит...

– ?

– Очень, уж, он непростой человек. Я до сих пор не могу решить, куда его отнести...

– ???

– Нет-нет, – прибавил в ухмылке Шелепин. – Я – не насчёт адреса кладбища: я – насчёт квалификации. Ну, то есть: друг – или враг?

Неожиданно Суслов усмехнулся. Почти. Это оказалось неожиданно для Шелепина: «главный идеолог» являлся непревзойдённым мастером по части отсутствия мимических талантов. Иногда создавалось впечатление, что он так и родился с личиной «человека в футляре». Хотя, вряд ли это была личина. Скорее всего: форма внешнего проявления внутренней сущности.

– Скажите, Александр Николаевич: при том, что Мазуров – Вам не друг, означает ли это, что он друг Брежневу?

Шелепин решительно мотнул головой.

– Никоим образом. Мазуров мне, конечно, не друг. Но если мне он всего лишь не друг, то Брежневу он – безусловный враг. Минимум, противник. И противник, действующий не из эгоистических соображений...

При этих словах очки Суслова удивлённо приподнялись: Михаил Андреевич явно не ожидал такой самокритики – пусть и нечаянной – от амбициозного Шурика.

– ... а исключительно из принципиальных. То есть, такой, какого невозможно склонить на свою сторону ничем, кроме как «исправлением линии». А на это Брежнев не пойдёт никогда!

– Значит...

Довольный тем, в каком направлении пошёл разговор, Михаил Андреевич даже «совершил покушение на улыбку».

– ... если Шелепин – враг нашего врага...

– ... то он – наш друг!

– Ну, может, и не друг, – сделал «поправку на реалии» Суслов, – но союзник – несомненно. И мы ни в коем случае не должны оставлять товарища Мазурова в стороне от работы.

«Ай, да, Суслов»! – восхитился глазами Шелепин. «Прямым текстом» восхитился. – «Не „человек в футляре“, а „ай, да сукин сын!“». Надо же, как понимание опасности преобразует человека!»

– Мне поговорить с ним, или мы сделаем это оба?

Верный себе и своему деятельному характеру, Александр Николаевич уже решил не откладывать разговора с Мазуровым.

Суслов, не торопясь, помял лицо скепсисом.

– Пожалуй, будет лучше, если я поговорю с ним сам. А не то он подумает, что мы с Вами устраиваем спектакль, чтобы заманить его в ловушку, а потом сдать Брежневу «тёпленьким».

Шелепин одобрительно кивнул головой: разумно.

– А когда мы оба «раскроем карты», тут я Вас и подключу. А Вы будьте готовы.

– «Всегда готов!» – под неизменную ухмылку «отсалютовал» Шурик, и решительно освободился из плена кресла. Уже у дверей он вспомнил.

– Ещё – один момент. Я думаю, что нам следует заготовить письмо в ЦК, и огласить его на пленуме. Но людей надо ознакомить с ним уже сейчас, немедленно – чтобы к пленуму они уже были «доведены до готовности». Надо бы продумать текст, Михаил Андреевич.

«Главный идеолог» помедлил секунду – и выглянул из-за очков.

– Продумаем, Александр Николаевич. Не беспокойтесь.

Даже сейчас он не рискнул «снять кольчугу»: сработал годами шлифовавшийся инстинкт самосохранения, который лишь укрепили всевозможные рефлекс...

Глава тридцать седьмая

Мазуров оказался «не мальчиком, но мужем»: не стал «играть в кошки-мышки» с партийным идеологом. Нарождающееся самовластие Брежнева беспокоило его не меньше, чем Суслова. Пусть и – «с другого фланга»: если Кирилл Трофимович соответствовал песенной установке «прежде думай о Родине – а потом о себе», то Михаил Андреевич поступал с точностью «до наоборот». Но сейчас это не мешало им быть союзниками: для Мазурова «коллективный стиль руководства» не являлся ни идеологическим штампом, ни средством прикрытия собственных интересов. Неправильный Кирилл Трофимович неправильно же и думал.

А думал он о деле. Он уже видел, что Брежнев начинает обходить членов Политбюро – и не только «в забеге», но и во мнении. Речь пока не шла об обструкции взглядов. Да в этом и не было необходимости: Леонид Ильич мог пренебречь чужим мнением, и не прибегая к конфронтации. Конфронтация – не его стиль. А, вот, в «бескровных» методах «борьбы с инакомыслием» Генеральный не знал себе равных.

Меньше всего Мазурова беспокоила податливость Брежнева к лести. В конце концов, это только человеческая слабость – и всё. Куда большую опасность представляли властные замашки Генерального, уже сейчас начинающего демонстрировать характер и «показывать зубы».

Если бы Брежнев обладал талантами Ленина или Сталина, Кирилл Трофимович закрыл бы глаза и на это. Со спокойной совестью или беспокойной, но закрыл. И это несмотря на то, что был убеждённым сторонником выработки коллективного мнения, которое одно только и могло уберечь от принятия ошибочных решений с последствиями. Но Леонид Ильич не обладал такими талантами. Он не был вождём.

Да, Брежнев уже начинал становиться лидером. Но не за счёт выдающегося интеллекта, а исключительно за счёт прекрасно усвоенного им принципа «Кадры решают всё!» И не только усвоенного, но и мастерски реализуемого на практике: и в этом отношении Брежневу не было равных. По части знания кадров, по части умения работы с ними, по части оперативного реагирования на малейшие движения вокруг себя – даже на значительном отдалении – Леонид Ильич наголову превосходил коллег.

Но культуркой и интеллектом новый лидер не блистал, несмотря на реноме знатока поэзии. Факт имел место, но как единичный. Как исключение, лишь обслуживающее правило. Пока Брежнев поудобнее усаивался в кресле, это было не так заметно. Но по мере того, как он всё больше «входил в образ», а его кресло всё больше входило «в образ трона», его недостатки не могли уже не познакомить с собой товарищей.

Пять лет продержался Леонид Ильич в образе «первого среди равных». Пять лет он внимательно прислушивался к советам и мнениям товарищей. Во всяком случае, так думали они сами. Хотя, похоже, в действительности всё было иначе: Брежнев лишь изучал обстановку и сопоставлял потенциалы. Исключительно «в прикладном» значении: применительно к себе и своим амбициям. Он старательно примерял на себя «венiec самодержца»: не тяжело ли будет? Осилит ли? Похоже, теперь он «определился» и «уверовал». Привык к тяжести на голове: свой груз не тянет. Даже больше: бремя власти – сладко.

Мазуров понимал, что концентрация власти в руках одного Брежнева – это не только «покушение на принцип». Если бы он был уверен, что дело пойдёт – Бог с ним, с принципом! Дело – прежде всего! Но такой уверенности у него не было. Напротив, была уверенность другого рода: самовластие чревато обломками – и не только своими. А что касается прогноза: «... напишут наши имена!»... Когда ещё придёт то время?! Да и придёт ли?..

... – Я полностью разделяю Вашу, Михаил Андреевич, озабоченность тем, как развивается ситуация.

Не став «темнить», Мазуров потемнел лицом: одно не мешало другому.

– Последняя атака Брежнева на главу правительства – это не только удар лично по Алексею Николаевичу. Это – удар по всему курсу правительства на экономические реформы. Брежнев явно решил сделать Косыгина декоративной фигурой, и де-факто самостоятельно определять не только политическую, но и экономическую линию руководства.

После такого признания уже нельзя было не покачать головой – и не перейти к следующему, ещё более горькому.

– Как мы просчитались с этим человеком! Каким открытым и доступным он прикинулся! Да-а...

«Посыпание головы пеплом» заняло секунд десять.

– Несмотря на то, что Брежнев уже очень силен и опасен, несмотря на то, что он окружил себя людьми типа Кириленко и Устинова и поставил под личный контроль ГБ, ничего ещё не потеряно. Если только решение вопроса не откладывать «в долгий ящик».

– Шелепин предлагает на мартовском пленуме.

Михаил Андреевич решил, что более подходящего момента для «активации» образа Александра Николаевича и ждать не стоит.

Мазуров отреагировал вполне ожидаемо: ещё решительнее объединил нос с бровями.

– Шелепин...

– Кирилл Трофимович! – не столько разволновался, сколько раздражился Сулов. – Не время сейчас заниматься амбициями. Станьте выше этого! На кону судьба партии!

Михаил Андреевич недолго «громыхал лозунгом». По окончании фразы он опять «вернулся в себя»: подровнялся, подсох и обесцветился.

– И ещё: не забывайте, что Шелепин – единственный, кто не боится оппонировать Брежневу даже сейчас, когда тот значительно ослабил его, сослав «на профсоюзы». Только он в состоянии бесстрашно ринуться в атаку на Брежнева. И только он готов стать организующим началом для всех здоровых сил.

– Шелепин в должности Генсека видится мне ничуть не выгоднее Брежнева, – не отказался от себя Мазуров.

– Опять Вы...

Сулов поморщился – уже не только по причине недовольства: вновь «прихватило» сердце. Михаилу Андреевичу очень не хотелось показывать своё недомогание на людях – как и всякому «наверху»: вопрос здоровья – совсем не вопрос здоровья. Это – вопрос политический. Поэтому он удержался от того, чтобы тотчас же не засунуть ладонь под сорочку, и не заняться «спасительным» массажем грудины.

Мазуров знал «правила игры», почему и не поспешил за стаканом воды или таблеткой нитроглицерина. То, что у нормальных людей считалось нормой, в их кругу являлось не только признаком дурного тона, не только оскорблением, но и хуже: «подкопом» под товарища. Как минимум, намёком на его некондиционность. Поэтому Сулов мог опасаться только «непрощенной гостью» – но не забвения норм.

– ...Не о том надо думать, – в последний раз покривился идеолог: кажется, отпустило. – По крайней мере, сейчас.

– Хорошо, – после тяжёлой, непродолжительной паузы нехотя согласился Мазуров. – Ради достижения общих целей я готов работать хоть с Шелепиным, хоть с чёртом, хоть с дьяволом.

Последнее слово – пусть лишь в плане аттестации – осталось за ним. А сам Мазуров остался... Мазуровым.

– Ну, вот и правильно, – одобрил Сулов, хотя и не смог «покуситься на улыбку»: не хватило ресурса. – А то, получится, как у Крылова: «Когда в товарищах согласия нет...»... ну, и далее – по тексту.

В следующее мгновение Михаил Андреевич уже снимал телефонную трубку с рычагов.
– Товарищ Шелепин? Это Суслов. Вы подготовили соображения по Тезисам?

Текст был «зашифрованный». На том конце провода должны были понять, что разговор состоялся и привёл к положительным результатам. Как в плане согласия на работу, так и в плане согласия на работу «с персоналиями». Видимо, Александр Николаевич настолько «энергично понял», что Суслов поморщился и даже отодвинул трубку от уха, словно контуженный.

– Очень хорошо. Вы можете ознакомить меня с ними сейчас?... Тогда жду Вас у себя...
... – Вы уже определились с формой работы?

Мазуров не стал бросать в сторону Шелепина взглядов искоса. Напротив: взгляд его был прямым и даже вызывающим. Вряд ли он дополнительно сканировал визави: в «симпатиях» Шелепина к Брежневу сомневаться не приходилось. Скорее всего, Кирилл Трофимович хотел показать «соратнику», что не держит «камней за пазухой», и готов сотрудничать, невзирая на всю «глубину чувств».

Александр Николаевич по достоинству оценил «первый шаг навстречу» – и ответил Кириллу Трофимовичу не только открытым взглядом, но и открытым текстом.

– Да. Мы с Михаилом Андреевичем полагаем, что это может быть письмо в ЦК, с которым будут ознакомлены все члены ЦК в индивидуальном порядке – через наших сторонников на местах. Таким образом, будет подготовлена... как бы это лучше выразиться... «идейная платформа» будущего пленума.

– А кто возьмёт на себя работу по ознакомлению?

– Не беспокойтесь, Кирилл Трофимович.

Впервые за все последние годы Александр Николаевич уважил Мазурова «по батюшке».

– Организацию этого дела я беру это на себя. На местах поработают мои люди. Их немного, но все они надёжные, много раз проверенные в деле товарищи. И главное: они – люди дела, а не болтуны.

– А письмо?

Мазуров перевёл взгляд на Суслова: кому, как не главному идеологу, и заниматься «теоретической частью». Михаил Андреевич подумал – и упал духом: решился. После секретов почти стратегического характера можно было доверить чужим глазам и этот, «оперативный». Дело зашло уже настолько далеко для того, что нельзя было не идти навстречу. «Идя навстречу», он медленно подошёл к сейфу, и извлёк из него папку. Письмо находилось «в гуще» других бумаг: непосвящённый сориентировался бы не сразу. Даже «непосвящённый» из КГБ.

– Я ведь обещал Вам, Александр Николаевич, что письмом займусь лично сам?

Шелепин с довольным видом кивнул головой, после чего стал ждать своей очереди познакомиться с эпистолой главного идеолога: сейчас этим занимался Мазуров.

Наконец, Кирилл Трофимович кончил читать – и молча передал документ Шелепину.

– Толково написано, – уважительно резюмировал Александр Николаевич, возвращая документ автору. – Только...

– Только?

Реакции Суслова позавидовал бы сейчас и сам Лев Яшин: он уже догадался, что стоит за этим «невинным» уточнением.

– Только я бы добавил к этому тексту ещё одну строку. Всего лишь одну...

– ??? – в унисон отработали Суслов с Мазуровым.

– «Пленуму ЦК рекомендуется рассмотреть вопрос о выборах Генерального секретаря».

Суслов «проглотил лимон» – но не уточнение.

– Не пойдёт.

– ...

Михаил Андреевич добавил «к лимону» непреклонности.

– И всё-таки? – не отступал Шурик. – Это, как раз, придаст конкретику нашим предложениям! Станет, так сказать, последним штрихом! Письмо без этого предложения не только выглядит незавершённым, но и...

Он чуть было не сказал «теряет всякий смысл», но вовремя удержался от «оскорбления»: Суслов иначе и не расценил бы этот выпад.

– ... лишённым жёсткой конкретики, – не лучшим образом выкрутился Александр Николаевич.

– Вот именно «жёсткой»! – перевёл дух Суслов: избежал оскорбления. – Ваше предложение, Александр Николаевич, верное по существу, абсолютно неверно по форме.

– Поддерживаю Михаила Андреевича.

Совершенно неожиданно для Шелепина, Мазуров принял сторону «оппозиции».

– Но почему?!

– Да потому, уважаемый Александр Николаевич, что постановка вопроса – это не дань стилю.

«Получив подкрепление», Суслов принялся неспешно протирать стёкла очков уже давно не свежим платком. И пока он делал это, в разговоре хозяйничала пауза. Наконец, видя, что Шелепин «держится» буквально из последних сил, Михаил Андреевич водворил очки на место.

– Вопрос должен был не только уместным, но и правильно сформулированным. «Выборы Генерального секретаря»... Ну, нельзя же так прямолинейно, Александр Николаевич!

– Что: неделикатно? – усмехнулся Шелепин. Усмешка вышла неполноценной: напололам с досадой.

– При чём тут деликатность? – поморщился Суслов. – Неосмотрительно. Это ведь всего лишь письмо в ЦК, а не доклад и даже не выступление в прениях.

Михаил Андреевич умудрялся спорить, не ставя «восклицательных знаков» ни лицом, ни голосом: тоже ведь – талант.

– Зачем прежде времени раскрываться?

Да и вопросительные знаки были неочевидны.

– Конечно, если Вы хотите стать Лёнькой...

– Брежневым? – оживился Шелепин.

– Нет: героем стихотворения Симонова «Сын артиллериста»...

– У-у-у!

– ...Тогда, пожалуйста: «вызывайте огонь на себя!»

– Если бы только на себя!

К критике предложения Александра Николаевича подключился Мазуров.

– Своей прямолинейностью товарищ Шелепин ставит под удар всех нас! Узнай Брежнев об этом письме, он тут же начнёт действовать! И от него пощады не жди: он, хоть и «в бархатных перчатках», но – «стальные кулаки», как некогда определил его Родионов... опальный!

Уточнение подействовало: Шелепин вздрогнул. Некоторое время он хмурился, а потом махнул рукой – обречённо и великодушно «в одном наборе».

– Хорошо, я не настаиваю на такой редакции. Давайте откорректируем: вопрос о руководстве всё равно надо ставить.

– Вот!

К изумлению соратников, Михаил Андреевич сподобился на одобрительный жест: обе руки вперёд и ладонями «наружу».

– Вот! Как говорится, можем же, когда захотим! Лучше, пожалуй, и не сформулируешь: «вопрос о руководстве». Значит, в окончательном виде последняя фраза...

Суслов нарочно не сказал: «Дополнение Александра Николаевича»: нечего баловать!

– ... будет звучать так: «Пленуму ЦК рекомендуется рассмотреть вопрос о руководстве». А?

Ожидая соучастия в энтузиазме от нахождения компромисса, он перевёл взгляд на Мазурова. Кирилл Трофимович немедленно кивнул головой: предложенный вариант был оптимальным. Но кивком он и ограничился: слов одобрения от него Михаил Андреевич не дождался.

По той же причине: нечего баловать.

– Вы, Александр Николаевич?

Взгляд главного идеолога переключился на Шелепина. Председатель ВЦСПС тоже не стал вносить разнообразие «в меню»: ограничился сухим кивком. Да и непорядочно было ждать от него большей капитуляции, чем та, на которую он только что «подписался».

– Значит, с текстом вопрос урегулирован? – из последних сил продлевал момент торжества Суслов: пустячок – а приятно. – Больше дополнений и изменений нет?

В отличие от «главного идеолога», товарищи решили ограничить своё участие в чужих торжествах тем, что уже было сказано и сделано.

– Тогда мы должны определиться с очередностью дел: направим письмо в ЦК или...

Суслов замолчал, обстреливая вопросительными взглядами то одного гостя, то другого, то обоих сразу.

– «Или»! – без долгих раздумий откликнулся Шелепин. – Полагаю, что нам не следует соваться в ЦК прежде, чем мы «отработаем низы».

– Согласен, – поддержал Мазуров. Не «соратника» поддержал: здравую мысль. – Надо вначале ознакомить с ним членов ЦК...

Он выразительно посверлил глазами Шелепина.

– ... из числа самых надежных.

– Это я беру на себя.

Теперь уже Александр Николаевич поддержал здравую мысль «соратника»: нормальные отношения нормальных политиков. Оставалось лишь запросить санкции Хозяина – и Шелепин отправил соответствующий взгляд в адрес Суслова. Тот молча наклонил голову...

Глава тридцать восьмая

Вновь и вновь Леонид Ильич анализировал полученную информацию: Суслов, Шелепин и Мазуров только что встретились в кабинете «главного идеолога» на Старой площади.

«Что бы это значило? Три таких разных человека, три антипода – и вдруг уединяются почти на два часа? Почему? И главное: для чего?»

После непродолжительных раздумий Брежнев пришёл к мысли о том, что отталкиваться в своих рассуждениях следует от того факта, что первый за все годы «конфеданс» антиподов состоялась вскоре после пленума. Того самого пленума, на котором он умышленно выдал свою «провокационную» речь: объективную, изобилующую фактами, но «целевым назначением вскрыть недругов». Это был не только зондаж настроений, но и недвусмысленное провоцирование. Похоже, что его расчёты оказались верны: «народ» зашевелился.

Но что могло связывать этих, таких разных, людей – хоть попарно, хоть в трио? Людей, которые «так сильно любили друг друга», что даже в кремлёвском буфете расходились по разным столикам, как по разные стороны баррикад! Да и не в подполье встретились: в кабинете секретаря ЦК! За ответом глубоко и ходить не надо было. Ответ лежал на поверхности. Что связывает? Да, то, что и всегда связывает врагов в тактическом союзе: наличие общего врага.

Рука Брежнева сама потянулась к сигаретной пачке. Прикурив от пламени зажигалки, Леонид Ильич жадно затянулся ароматным дымом – и опять ушёл в мысли. Нетрудно было предположить, что на этой встрече намечались планы работы... по Леониду Ильичу. Вопрос – лишь в конкретике: что за планы?

К огорчению Леонида Ильича, люди Комитета, сообщившие ему об этой встрече – хотя он уже знал о ней от человека из секретариата Суслова – не смогли предоставить никаких сведений о содержании переговоров.

А в том, что это были именно переговоры, Леонид Ильич не сомневался. Временами он жалел о том, что жизнь сформировала его неправильно: слишком порядочным – и от этого он был страдать, не будучи готов воспользоваться опытом незабвенного Лаврентия Палыча. По линии «надзора» за соратниками.

Хотя и так было ясно: товарищи собрались явно не для того, чтобы обменяться восторгами по адресу «дорогого Леонида Ильича». Речь могла идти лишь о должности – и человеку на ней. Эти люди не стали бы «светиться» лишь для того, чтобы возмутиться «самоуправством узурпатора». Только конкретные планы – и в адрес конкретного человека – могли свести вместе этих людей.

Предельно сосредоточенный взгляд Леонида Ильича исполнился решимости: теперь это состояние было на очереди – всеми остальными он исполнялся прежде.

– Ну, что ж, ребята: «раз пошла такая пьянка...»!

Он поднял трубку одного из аппаратов.

– Юра, здравствуй. Что удалось выяснить? Кому звонил? Елистратову и Семичастному?.. Так и сказал?!.. Спасибо, Юра...

Брежнев медленно положил трубку.

– Значит, «готовься к пленуму»... Ах, ты...

Последнее, высказанное им, а ещё больше – невысказанное, адресовалось Шелепину, чьи звонки указанным абонентам были зафиксированы КГБ. Теперь у Леонида Ильича имелись прямые доказательства характера «тайной вечери»...

Вначале Михаил Андреевич не придавал значения тому, что Генерального секретаря в день международного женского праздника не было в Москве. Леонид Ильич всегда предпочитал шумной столице загородную дачу, где он мог отдохнуть душой и телом. Но когда «добровольные помощники» информировали Суслова о том, что «следов» Брежнева не зафиксировано

ни на даче, ни в Завидово, ни дома, «главный идеолог» встревожился. Сразу вспомнилось, что в последнее время Брежнев, ни с того, ни с сего, «подобрел душой». Всё чаще он стал обращаться к нему за советом по каким-нибудь мелочам. Это удивляло и настораживало: Михаил Андреевич не давал ни малейших поводов для «сердечности».

Уже тогда ему в голову начала закрадываться мысль о том, что всё это – неспроста. Вряд ли Брежнев решил «отыграть назад», почувствовав неодобрение отдельных товарищей. Не такой человек был Леонид Ильич, чтобы отступаться от намеченной цели. Разве, что – для перегруппировки сил. А цель – неограниченная власть – и уже не намеченная, а реализуемая, была видна невооружённым глазом. И вот теперь – ещё и это!

«Где, всё-таки, Брежнев? Что он задумал?»

Михаил Андреевич почувствовал, как у него под ложечкой начинает посасывать – и совсем даже не от удовольствия. Он не сомневался в неслучайном характере отсутствия Генсека. Обычно, его уверенность либо подкреплялась, либо базировалась на данных информаторов, «завязанных» только на него. Связи были глубоко «законсервированы», и реанимировал их Михаил Андреевич только в моменты крайней необходимости. До последней возможности он анализировал ситуацию, прежде чем признать её крайней: берёг людей – а, значит, себя. Анализ данной ситуации показал: момент крайней необходимости наличествует. «Подключение» неизбежно.

Слухи «приказали долго жить» уже на следующий день. Михаил Андреевич прочитал сообщение информатора – и тут же упал. Хоть и духом – но «приложился» основательно. Прошедшая по обычным каналам «молния» гласила: «Работа воспитанию советского патриотизма свете последних военных учений будет усилена. Планы разрабатываем».

Бумажка выпала из рук Суслова: значит, Брежнев находится в Минске. Значит, он – на учениях «Двина». Впервые за всё время пребывания в должности Леонид Ильич самостоятельно навещал Вооружённые Силы, не только ни с кем не согласовав вопрос поездки, но даже и не поставив никого в известность о ней. Значит, в привлечении армии на свою сторону он опередил их всех.

Михаил Андреевич ощутил, как закололо сердце и стремительно начала онемевать левая рука...

Брежнев неожиданно, едва ли не в манере инкогнито, прибыл в штаб Белорусского военного округа, где его встречали «осчастливленные до шока» командующий войсками округа генерал-полковник Третьяк и начальник штаба генерал-полковник Арико. Уже через полчаса, в течение которого Брежнева вводили в курс дела, в штабе сосредоточилось всё руководство учений «Двина-70»: министр обороны Маршал Советского Союза Гречко, начальник Генерального Штаба Маршал Советского Союза Захаров, главный инспектор Министерства обороны Маршал Советского Союза Москаленко, Главнокомандующий сухопутными войсками – заместитель министра обороны генерал армии Павловский, начальник Главного Политического Управления Советской Армии и Военно-Морского Флота генерал армии Епишев.

«Налёт» высокого гостя не только не испугал руководство Министерства обороны, но даже настроил его на мажорный лад. Ещё бы: давно уже никто из «небожителей» не удостаивал военных такой чести! Уже по одной этой причине Леонида Ильича всюду сопровождали, едва ли не «под белы ручки».

Но Генеральный секретарь оказался удивительно простецким мужиком. Он не счёл зазорным пройти по «полям сражений», лично ознакомился с планом учений, принял деятельное участие в рекогносцировке на местности, несколько часов провёл на замаскированном НП. Генеральный не корчил из себя знатока военной стратегии, но и не выглядел «штафиркой»: чувствовалось, что мужик он – бывалый и не чуждый армии. Его суждения были дельными и конкретными. И это дополнительно пришлось по душе военным. И не только пришлось, но и прошлось: бальзамом и елеем.

После учений Леонид Ильич не погнушался солдатской трапезой и не побрезговал чаркой водки в кругу командиров, чем окончательно сразил «Вооружённые Силы». А когда он заметил – решительно и безапелляционно – что поверхностному отношению к армии отныне приходит конец, и он лично позаботится о том, чтобы наши доблестные Вооружённые Силы не знали нужды ни в чём, армия «пала к его ногам». В лице высшего руководства, конечно.

Четырнадцатого марта Леонид Ильич выступил с речью на разборе учений. Впервые за всё время с момента избрания. Да и в войсках «по-настоящему» он тоже был впервые: совместная с Косыгиным поездка на Северный флот тремя годами раньше – не в счёт: «турпоездка» – и не больше того.

Всё было впервые: и поездка, и пиетет военных, и отношение к нему, как к Верховному Главнокомандующему. Не по должности, а по сути: до Леонида Ильича ни один из ныне действующих политиков не проявил такого неподдельного интереса к проблемам армии. Никто не озаботился ими. Разве, что первые секретари ЦК республик, по должности являющиеся членами Военных Советов округов. Но там – иной масштаб, иные задачи.

А здесь: вся армия! Все Вооружённые Силы! И такое выступление перед военными тоже было первым. До этого Леонид Ильич несколько раз выступал в Кремле на традиционном ежегодном приёме в честь выпускников военных академий. Но разве можно сравнить: то – и это?! Там – и здесь?!

То, как начал своё выступление Брежнев, повергло в шок всех его недрюгов, которым вскоре представилась возможность ознакомиться с текстом.

– Товарищи! Боевые друзья! Я обращаюсь к Вам...

Прямо – Сталин образца июля сорок первого: «...К Вам обращаюсь я, друзья мои!»

Впервые Леонид Ильич обращался к армии, используя местоимение «я», а не «мы». То есть, фактически перешагивая через Политбюро. И армия – в лице высших офицеров – услышала это. И приняла это. Армия не желала больше существовать на положении «дитя без глаза у семи нянек». Ей был нужен один, но настоящий руководитель. Руководитель-заступник. Руководитель-покровитель. Этаким «отец солдатам». Егорий-победоносец на советский лад. «Дубликат» Сталина, если угодно.

Быстрее и лучше других Брежнев уловил эти настроения. Поэтому быстрее и правильнее отреагировал на них. И удивительно вовремя – так, как и положено дальновидному лидеру. И вот – итог: «ничейная» армия стала «чейной». До этого отцы-командиры были на стороне анонимного «нерушимого блока КПСС и беспартийных» – а теперь они поддерживали конкретного человека на должности: Леонида Ильича. Человека, в котором увидели – и не без оснований – надежду и опору. И не просто увидели, но и поняли, что на этот раз – не обман зрения. Что перед ними – не очередной «экскурсант», и, уж, тем более, не очередной «миротворец». Этот человек не пустит на слом стратегические бомбардировщики и надводные корабли, не сократит миллиона полтора душ, не «сошлёт» десятки тысяч офицеров в свинарники в порядке «конверсии».

– Мы живём в век научно-технического прогресса, когда новые образцы и системы оружия создаются меньше, чем за год! Застой в этой области чреват последствиями!

Генеральный дал ясно понять всем, что экономить на обороне и нуждах военных он и сам не собирается, и не позволить это сделать другим.

Леонид Ильич видел, как его слушают, слышал, как ему аплодируют, и понимал, что это – не дань формальной вежливости. Что сейчас ему аплодируют не как штатскому визитёру из столицы, а как своему Верховному Главнокомандующему. Настоящему – не по должности.

А когда Верховный предложил наградить всех участников учений «Двина» ленинской юбилейной медалью «За воинскую доблесть», зал взорвался аплодисментами: наш Верховный! Настоящий!

В Москву Леонид Ильич возвращался уже совершенно в ином качестве, чем уезжал из неё. И первым это понял Суслов. Понял ещё до того момента, когда самолёт Генсека коснулся бетонной ВПП аэропорта.

Пониманию «главного идеолога» поспособствовало и то обстоятельство, что буквально накануне возвращения Брежнева пришла «страшная весть»: используя сторонников в Политбюро и ЦК, Генеральный уже начал работу по переносу пленума на более поздний срок. Предлог: необходимость обобщить и проанализировать текущие дела. Не осталась неупомнянutoй в качестве причины и загруженность аппарата подготовкой юбилея Ильича. И не возражишь: главное событие года!

Понять, для чего Брежневу нужны лишние два-три месяца, было несложно. Во-первых: приучить «народ» к эпохе «настоящего» Главковерха. Во-вторых: ослабить «позиции оппозиции». Прежде всего: на периферии.

По всему выходило, что Брежнев и на этот раз переиграл их. Как ни горько это было сознавать, но Суслов не стал тешить себя опасными иллюзиями: занятие опасное и неблагодарное. Вместо этого он оперативно впал в раздумья. На тему извечного русского вопроса: «Что делать?» Меньше всего его сейчас занимали вопросы «статус-кво»: не до верности идеалам.

Не до верности ему было и соратникам: каждый – сам за себя. Особенно в шкурном вопросе. В вопросе сбережении личной шкуры. Да и не маленькие – выкрутятся. А не выкрутятся – значит, маленькие: не доросли до политики. Увы – диалектика бытия: выживает сильнейший. И сильнейший – не обязательно достойнейший.

«Что же делать?»

Михаил Андреевич не собирался помогать товарищам. Но, может, товарищи помогут Михаилу Андреевичу? Ещё до получения соответствующей команды из мозга, рука Суслова уже тянулась к телефону.

– Товарищ Мазуров? Суслов... Ах, Вы уже в курсе...

Вероятно, Кирилл Трофимович своим ответом упредил вопрос секретаря ЦК.

– Полагаю, нет необходимости говорить, насколько это всё серьёзно... А тут ещё – и вероятная отсрочка пленума... Тоже слышали?..

Суслов зачем-то понизил голос. Уже не имело значения то, что его не подслушивали: дело-то – дрянь. А это – куда серьёзнее безобидного «охвата вниманием компетентных органов».

– Не считаете ли Вы, что наши мероприятия окажутся либо несвоевременными, либо запоздавшими?.. Что?.. Да Бог с ним, со стилем: не до грамматики, ей богу!.. Тоже так думаете?..

Михаил Андреевич вздохнул.

– В таком случае я немедленно связываюсь с Шелепиным, и даю «отбой».

От избытка переживаний он перешёл на шёпот.

– Запомните, Кирилл Трофимович: мы с Вами встречались для обсуждения вопросов подготовки ленинского юбилея. Никакого письма в ЦК Вы у меня не видели.

Убедившись в «понятливости» абонента, он положил одну трубку, чтобы через минуту, потребовавшуюся для восстановления дыхания, взять другую.

– Товарищ Шелепин? Суслов. Я внимательно изучил Ваши предложения по активизации деятельности профсоюзов на производстве и в общественной жизни, и пришёл к заключению, что некоторые из них явно преждевременны. Они не подкреплены ни материальной базой, ни законодательной. Ах, Вы даже сами готовы отозвать свои предложения?

У Суслова отлегло от всего, где «лежало»: Шелепин «включился» сразу же.

– Очень хорошо. Это – принципиально, по-коммунистически. Полагаю, что Вы не приступили ещё к реализации этих преждевременных идей?.. В самом начале?.. Но всё обречено?.. Тогда «сворачивайтесь» – и давайте готовиться основательно, с учётом этого отрица-

тельного, но поучительного опыта... Вы меня понимаете, товарищ Шелепин? Надеюсь, Вы не обижаетесь на товарищескую критику?.. Нет?.. Ну, вот и хорошо. Всего доброго.

Опустив трубку на рычаги, Суслов в изнеможении откинулся на спинку кресла. Сейчас он мог быть частично доволен собой: и команду дал, и исполнил её деликатно – не придерёшься. Но удовлетворение действительно было частичным: Михаил Андреевич не мог не понимать, что сделана лишь половина дела. Сейчас нужно было приступить ко второй, как минимум, не менее важной, чем та, с которой он так лихо расправился только что...

Михаилу Андреевичу не понадобилось слишком много времени для того, чтобы определиться с дальнейшими планами. Хотя ситуация – по крайней мере, внешне – не требовала от него мыслительной работы в режиме крайнего напряжения: по возвращении Брежнев ничем не показывал нового статуса, демонстрируя едва ли не дружелюбие по отношению к идеологу. Как ни в чём не бывало, он отработывал «товарищем» Михаила Андреевича: обменивался мнением не только на заседаниях Политбюро, но и при встречах наедине. Но Суслов был начеку: «memento «mori»! Ведь политическая смерть для политика – страшнее физической.

«Главный идеолог» понимал, что одним возвращением ситуации назад не обойтись. Да, и что значит: «назад»? Возвращалась только ситуация с попыткой смещения Генсека. Но ситуация с расстановкой сил не только пришла в движение, но и существенно продвинулась вперёд. Былого «статус-кво» уже не было. За считанные дни положение изменилось до неузнаваемости. Внешнее спокойствие – обманчивое спокойствие: это – для дилетантов.

«Показывать зубы» было уже не только неразумно, но и чревато последствиями. Да, и кому это делать: вон, после пленума Косыгин стал «тише воды, ниже травы». И вряд ли потому, что затаился. Скорее другое: сделал «правильные выводы».

Пальцы Михаила Андреевича мелко дрожали: «главный идеолог» всегда тонко чувствовал опасность. И не пресловутым «звериным чутьём», а чутьём ответственного политработника, куда более развитым, чем у зверя.

Никакой дилеммы перед ним сейчас не вставало. Михаил Андреевич не собирался «благородно подавать в отставку»: «дон-кихоты» в Кремле давно вывелись. Вопрос – при всём его неблагородстве – был один: в какой форме выразить лояльность Генеральному секретарю? В необходимости её выражения вопроса не было.

По опыту Суслов знал, что человек, долго шедший «наверх», придя туда, быстро «западает» на внешние атрибуты власти: славословие, чинопочитание и прочие «блёстки». В результате идея появилась как бы сама собой: превратить мастера дела в «мастера слова». До сего года «труды» Генерального ещё ни разу не издавались «в систематизированном виде». Так: речи в художественных сборниках с материалами пленумов ЦК.

Михаил Андреевич знал, что «труды», изданные отдельной книгой, не только «проливаются елеем» на душу «автора», но и поднимают его авторитет в кругу соратников. Далеко не все члены Политбюро сумели «отметиться» «на литературной ниве».

Леонид Ильич не являлся исключением из общего числа «страждущих признания». До сего времени он не рискнул домогаться лавров писателя, дабы лишний раз не дразнить соратников. Однако, как удалось выяснить Суслову, Политиздат уже готовился издать книжку избранных речей Генерального секретаря: «рукопись» уже некоторое время находилась в издательстве – стараниями брежневских «спичрайтеров» и «толкачей». Они же – прежде всего, зав Отделом науки ЦК Трапезников – и «вдохновили» Леонида Ильича на поступок. А издание «собственного» труда в обход Политбюро и «главного идеолога» в момент неустойчивого равновесия сил, иначе, как поступком, и назвать было нельзя.

Вот на этом можно было сыграть! Суслов воспрянул духом: Генсек, безусловно, был заинтересован в одобрении им «самоуправства» по части литературных «поползновений». Ему наверняка пришлась бы по душе «благосклонность» главного идеолога. И тогда он обязан

был бы оценить её должным образом. А что значит «оценить должным образом»? Только удовлетворением желания Суслова отметить его лояльность со всеми вытекающими отсюда предпочтениями.

Михаил Андреевич вызвал Новокрещёнова: «душа горела». И не в формате «пока свободю горим»: более приземлено и осязаемо.

– Пригласите ко мне директора Политиздата. Срочно. Пусть захватит с собой гранки книги Леонида Ильича.

Через сорок пять минут секретарь ЦК уже давал указания донельзя взволнованному «печатнику». Ещё бы не «взволнованному»: не каждый день вызывают в кабинет второго человека в партии!

– Вопрос издания труда Леонида Ильича – один из важнейших.

Вы принесли гранки?

«Политиздат» облизнул пересохшие от волнения губы.

– Да, товарищ Суслов.

Михаил Андреевич полистал материал, а затем пальцами измерил толщину будущего тома.

– Вношу уточнение: труд будем давать в двух томах. В двух томах – как-то солиднее.

– Да, пожалуй, – попробовал бы не согласиться директор.

– Второй том будет открываться...

Суслов заглянул в шпаргалку: подготовился к визиту.

– ... речью Леонида Ильича на конференции европейских коммунистических и рабочих партий от двадцать четвёртого апреля шестьдесят седьмого года.

Издатель немедленно сделал пометку в записной книжке.

– Макет при Вас?

Директор щёлкнул замком портфеля. Михаил Андреевич придиричливо, на время отставив «фирменную» бесстрастность, обозрел макет.

– Цвет переплёта лучше дать зелёный.

(Переплёт намечался красного цвета).

– У трудов Ленина – корешки синего цвета, а у трудов Леонида Ильича будут зелёного.

«Политиздат» без труда подавил в себе изумление: не первый год в должности. Хотя никогда ещё на его памяти имя Брежнева не ставилось рядом с именем Ленина.

В обеспечение большей внушаемости контингента, Суслов поморозил глазами печатника. Ему нетрудно было сделать это: температура его взгляда редко поднималась выше нуля.

– Готовьтесь к тому, что у трудов будет продолжение. Поэтому нужно подходить к изданию, как к собранию сочинений. Вы меня понимаете?

Издатель кивнул головой: он вообще был понятливый.

– Поэтому должны быть цифирки, обозначающие порядковую нумерацию томов.

– Вас понял, товарищ Суслов.

– Какой материал предполагаете использовать для переплёта?

– Ледерин. Он прочный, красивый и на ощупь приятный.

– Ну-у... – почти одобрил Суслов. – Но для большей сохранности трудов... ну, и для большей... эстетичности, что ли... нужно сделать суперобложку. Такого же цвета, как переплёт.

Издатель неожиданно не согласился.

– Может, лучше будет сделать обложку двухцветной: основной тон – зелёный, но верх, примерно на одну четверть – белый?

Суслов задумался. В подобных мелочах Михаил Андреевич был удивительный педант – иногда куда больший, чем в делах действительно серьёзных и куда более значимых.

– Ну, что ж... Пожалуй... Давайте попробуем. Итак, с этим вопросом решили. Теперь что: тираж? Какой предполагается тираж?

– Ну...

Издатель замаялся. Вопрос был действительно «интересным»: какой может быть тираж у «трудов» действующих политиков? Традиционные сто тысяч – чтобы полки книжных магазинов не пустовали. «Спасибо партии родной»: кабы не авторы от КПСС, чем бы «наряжали интерьер»?

– ...Двести тысяч...

Словно почувствовав «что-то» в словах идеолога, «на свой страх и риск» гость удвоил тираж.

– Дадим пятьсот тысяч, – «приговорил» Сулов.

Приговор был окончательным, обжалованию и опротестованию не подлежал, но директор лишь в последний момент успел «прикусить язычок». А ведь чуть было не сорвался: «У нас не всякая художественная литература расходуется такими тиражами!»

Взгляд Сулова уже стал императивным.

– Подписывайте книгу в печать – с учётом сделанных замечаний.

Понимая, что «приём окончен», директор поспешно вскочил на ноги.

– Минутку.

Издательский филей замер на середине пути.

– Дайте-ка мне ещё раз взглянуть на материал.

Михаил Андреевич пробежался глазами по датам последних речей.

– Так, двадцать пятое ноября: речь на Третьем Всесоюзном съезде колхозников. Декабрь...

«Декабря» не было: сразу же за ноябрём «наступал» семидесятый год. Наступал он речью Брежнева в Венгрии, на заседании Национального собрания, посвящённом двадцатипятилетию освобождения Венгрии от фашизма.

Отсутствие выступления Генсека на декабрьском Пленуме ЦК приятно удивило Михаила Андреевича. С одной стороны – ничего особенного. Даже – норматив: выступления в прениях, по старой партийной традиции, не печатались и в брошюрах с отчётами о работе пленумов. В авторских же сборниках «избранных речей и статей» появление таких материалов было и вовсе исключено.

Но с другой стороны, «главному идеологу» хотелось думать, что эта «купюра» появилась неспроста: Брежнев явно протягивал «оливковую ветвь». А ведь он мог «протолкнуть» материал: попробуй, тут, подвергнуть цензуре слова Генерального! Вмиг узнает, и, конечно же, «поблагодарит смельчака».

– Под каким названием Вы собираетесь издать труды Леонида Ильича?

«Издатель» замер: «опять – двадцать пять»!

– Ну... как всегда, в таких случаях: «Избранные речи и статьи»...

Выдав ответ, он осторожно вынырнул взглядом из себя.

– Что это за название? – недовольно поморщился главный идеолог. – Название должно соответствовать не только характеру материала, но и смыслу деятельности автора, её направленности! Речь ведь идёт о политическом руководителе.

«Ну, что это за название? Машина, как военный корабль, должна иметь собственное имя». Сам Остап Бендер сейчас пролил бы слезу умиления: «не пропадёт наш скорбный труд»! «Не перевелись ещё богатыри на Руси!».

Ещё не понимая, к чему клонит хозяин кабинета, директор поспешно кивнул головой: на всякий случай. Разумеется, утвердительно.

– Назовём двухтомник...

Сулов на мгновение ушёл за очки.

– ... «Ленинским курсом».

Лицо его на мгновение утратило бесстрастность – и дыхнуло энтузиазмом вкупе с самодовольством.

Старательно пряча лицо – поглубже: в себя – «издатель» быстро сделал пометку в записной книжке.

– Я Вас больше не задерживаю, товарищ...

Едва за «Политиздатом» закрылась дверь, Михаил Андреевич ещё раз восхитился собой: неплохой ход! Леонид Ильич не мог его не заметить и не понять! Не имел права: Михаил Андреевич старался!

Подобно Брежневу, Суслов в шахматы не играл: предпочитал им домино. Но просчитывать ходы этот человек умел не хуже завязанного шахматиста. Сейчас ему казалось... нет: он был просто убеждён! – что на этот раз удалось найти единственно правильный ход...

Глава тридцать девятая

Двадцать первого апреля семидесятого года в Кремлёвском Дворце съездов состоялось торжественное заседание в ознаменование столетия со дня рождения Ленина. Брежнев выступил с докладом «Дело Ленина живёт и побеждает». Впервые его слушали с таким пиететом. Даже не слушали: внимали! И не в связи с тем, что и о ком говорилось, а в связи с тем, кто говорил! А говорил реально состоявшийся лидер партии. Человек, впервые не оглядывающийся на сидящих за его спиной членов Политбюро. Во всяком случае – так, как раньше.

Нет, разумеется, Леонид Ильич был далёк от здравиз самого себе формата «мы победили – и враг бежит» и «весёлым пирком – да за свадебку!». Ни на минуту он не упускал из виду задачу непрерывного развёртывания дополнительных сил. Только что ему удалось «подставить» замом к Андропову своего человечка: Георгия Карповича Цинёва. Как говорится, «извини, Юра: ничего личного – хотя и о личном! Хороший ты мужик – но «не из нашего двора». А этот «грех» искупить невозможно. Но ведь жить можно: так – небольшое «уплотнение»!

Цинёв, человек умный и гибкий, лучше другого «кандидата в заместители» Цвигуна подходил на роль «смотрящего». Он не только был «на все сто» человеком Брежнева, но при этом являлся ещё и полезным человеком для дела. Как минимум, для дела государственной безопасности выгода от использования талантов этого человека была очевидной.

Поэтому Юрий Владимирович грустил недолго: пустое занятие. Потом он быстро отвёл душу по адресу благодетеля – в «глубоком подполье» – и решил, что «хвост» лучше не «рубить», а пристроить к делу. А там, глядишь, за совместной работой Георгий Карпович начнёт относиться к нему не только как к «объекту наблюдения». Ну, или хотя бы начнёт отвлекаться...

Упрочились позиции Леонида Ильича и в кадрах. Потому, что упрочились позиции «главного кадровика» – Константина Устиновича Черненко, старого знакомого ещё по Молдавии, с шестьдесят пятого года заведующего Общим отделом ЦК. Теперь все кадровые вопросы партии находились в руках верного человека.

В идеологии также наметился поворот «на тему личности». Точнее: «культ личности». Несмотря на то, что предпринятая «сталинистами» Голиковым, Трапезниковым, Александровым и другими очередная попытка реабилитации Сталина в связи с девяностолетним юбилеем Генералиссимуса не удалась, «река забвения» имени и дел вождя начала мелеть.

Смягчению отношения к личности Сталина и его времени немало способствовала и позиция Суслова, фактически давшего добро на возобновление упоминания имени вождя в положительном аспекте. Верный себе, Михаил Андреевич дал это добро в традиционном стиле: умолчанием. В одном случае, сделал вид, что не замечает панегириков в адрес Сталина, в другом – что ничего страшного в этом не усматривает. И всё – молча. Тихо. Без шума...

И год в целом складывался для политика Брежнева удачно. И не только в плане решительного усиления своих позиций внутри страны, но и в деятельности на международной арене. Ему – не ему одному, разумеется, но лавры-то – его! – удалось сделать то, чего не удавалось сделать никому до него: подписать договор между СССР и ФРГ.

Подписанием этого документа не только выводились на более высокий уровень двусторонние отношения, но – и это главное – ГДР прекращала существовать в формате «незаконно-рожденного ребёнка». ФРГ и ГДР договаривались об установлении дипломатических отношений. Теперь вопрос принятия ГДР в Организацию Объединённых Наций можно было считать решённым: дело нескольких месяцев – да и то, по причине традиционных бюрократических проволочек.

Достижение положительного результата усиливало ещё и тем впечатлением, которое Леонид Ильич произвёл не только на канцлера ФРГ Брандта, но и на глав других государств. К их удивлению, в лице коммунистического Генсека они увидели сильного и динамичного руководителя. На всех без исключения Брежнев произвёл впечатление обаятельного и жизнерадостного человека. Всегда элегантно одетый в костюмы от лучших портных, с золотыми запонками и в отменных французских галстуках, он выгодно отличался от Хрущёва – «премьера в мешковине».

Но, что больше всего поразило Запад в советском лидере – это уверенность и мастерство, с каким он проводил сложнейшие переговоры. Брежнев не только не тушевался маститых политиков, но и нередко диктовал им свою волю, далеко не всегда сообразуясь при этом с правилами дипломатического этикета. Во всяком случае, Брандт имел возможность на себе ощутить и «железную хватку» Генсека, и его «острые зубы».

В принципиальных вопросах Брежнев демонстрировал твёрдость и неуступчивость. Но это отнюдь не было твёрдостью и неуступчивостью «а-ля Хрущёв». У того они зачастую переходили в глупое упрямство и стремление любой ценой одержать верх. Увы, сомнительный принцип «Я начальник – ты дурак!» Никита Сергеевич экстраполировал и на внешнюю политику. Обычно это давало обратный эффект, лишняя раз доказывая верность поговорки о нецелесообразности позволения дураку отправления культа.

Брежнев же проявил себя не только человеком, не поступающим интересами, принципами и друзьями. Он зарекомендовал себя настоящим мастером политического торга. То есть, продемонстрировал Западу то, чего напрочь был лишён предшественник. Леонид Ильич здраво рассудил, что переговоры «с позиции силы» – далеко не лучшее средство уменьшать число врагов и увеличивать число друзей. Особенно, если «позиция» есть, а сил не хватает.

В итоге Брандт, поражённый талантами и личностью «контрагента», пошёл на существенные уступки, о которых вначале и речи быть не могло. Запад понял, что с Брежневым можно договариваться, если учитывать не только свои интересы. И канцлер ФРГ, и Запад в целом поняли, что советский лидер – «переговорщик» серьёзный, к которому со «связкой бус» лучше не соваться.

Так что итогами года политик Брежнев мог быть вполне доволен. Его, наконец-то, признали безоговорочным лидером и внутри страны, и за её пределами. Конечно, дымился ещё «потухающий вулкан» Шелепин. Тлели ещё огоньки недовольства Воронова. Ворчал ещё временами Шелест, «оскорблённый» недостатком внимания к своим предложениям. Искренне обижался некогда верный друг Полянский.

Эти люди либо не понимали, либо не хотели понимать, что ситуация изменилась – и не в их пользу. Всё, что они могли сейчас противопоставить Генсеку, на языке военных было «локальными очагами сопротивления» – и не больше. Всем им оставалось уповать лишь на «счастливый случай», один который только и мог повернуть ход истории.

Конечно, Леонид Ильич, как обладатель многочисленных «политических шишек и синяков», уже не упускал из поля зрения ни одного из «товарищей». Задачу укрепления единовластия – любыми путями, вплоть до «развода с товарищами» – он благоразумно полагал не разовой, но перманентной.

Но, если для политика Брежнева год складывался удачно, то для болельщика Брежнева поводов для удовлетворения – тем более, радости – нашлось, куда меньше. Началось с того, что сборная по футболу не оправдала надежд хотя бы на полуфинал. А ведь основания для них имелись: в четвертьфинале нам в соперники достались уругвайцы – команда, не показавшаяся уже тем, что показала «нулевой уровень». И, тем не менее, мы проиграли. Проиграли, умудрившись пасть ещё ниже Уругвая. А дурацкий эпизод с голом Эспарраго на сто шестнадцатой минуте выбил Леонида Ильича из колеи на весь следующий день: матч закончился в два ночи уже пятнадцатого июня.

– Ну, почему они прекратили играть? – вскричал Брежнев уже после того, как Эспарраго головой отправил единственный мяч в сетку наших ворот. Упрёк его адресовался всем защитникам сборной: Афонину, Капличному, Дзодзуашвили и Логофету, заменившему в конце основного времени Хурцилаву. Все они вдруг прекратили играть в футбол и обратились в истцов и свидетелей: мяч якобы ушёл за линию.

Особенные же претензии Леонид Ильич предъявлял непосредственному участнику эпизода Афонину, которому надлежало остановить Кубилью – или, хотя бы, мяч. Вместо этого он тоже выключился из борьбы и – присоединился к товарищам, уже забывшим о футболе! Но судья почему-то не засвистел: вопрос отношения к мячу – его исключительная прерогатива! Решит, что ушёл – значит, мяч уйдёт. А не решит – пусть хоть на километр уходит: юридически – он в игре!

Наши оказались не только плохими футболистами, но и плохими юристами. Кубилья же, тем временем, «выцарапал» мяч – может, и из-за черты – и сделал навес во вратарскую. Ну, а дальнейшее было «делом техники» и не совсем техничного Эспарраго.

Когда Леонид Ильич узнал, что председатель Федерации футбола СССР Гранаткин от имени советской делегации подал протест, он раздражённо махнул рукой:

– На поле надо было доказывать свою правоту! Игрой! Забитыми голами! «Протест» он, видишь ли, «подал»!..

Чемпионат СССР, правда, давал больше поводов для положительных эмоций: у любимого «Динамо» дела шли неплохо. Вплоть до шестого декабря, когда в Ташкенте состоялся повторный дополнительный матч за золотые медали: на финиш «Динамо» пришло «голова в голову» с ЦСКА. Обе команды набрали по сорок пять очков.

В противоположность первому матчу, закончившемуся нулевой ничьей, во втором поначалу всё складывалось, как нельзя лучше. Уже через полчаса «Динамо» вело в счёт: три – один. Но на душе у Леонида Ильича, как и у каждого опытного динамовского болельщика, было тревожно: команда начала прижиматься к своим воротам. «Динамо» отдало инициативу и ушло в оборону в надежде сохранить победный результат.

Как это нередко бывает в футболе, ни к чему хорошему подобная тактика не привела. ЦСКА вначале сократил разрыв в счёт. Затем сравнял его. А в конце матча после корявого удара Владимира Федотова мяч, скакнув перед динамовским вратарём Пильгумом, перелетел через его руки, и счёт стал четыре – три. Уже в пользу ЦСКА. До конца матча он уже не изменился, и прекрасный сезон закончился на траурной ноте. Даже выход в четвертьфинал Кубка кубков не скрашивал горечи от поражения. Ещё год назад Леонид Ильич считал бы второе место триумфальной победой, но сейчас – пардон!

На хоккейное «Динамо» Леонид Ильич особенно и не рассчитывал: гегемония ЦСКА – безоговорочная. Один «Спартак» изредка отваживался нарушить её: в шестьдесят седьмом да в прошлом, шестьдесят девятом.

У «Динамо» не получалось: последний раз команда выиграла первенство в незапамятном пятьдесят четвёртом. Сколько раз Леонид Ильич обсуждал эту проблему с Андроповым – таким же заядлым болельщиком «Динамо».

– Ну, вот, скажи мне, Юра! – горячился Леонид Ильич по завершении сезона, в котором «Динамо» из восьми матчей с командами, расположившимися в таблице выше него, проиграло семь и только один – с ленинградским СКА – свело к ничьей. – Ну, почему так? Почему мы уже столько лет не можем взять «золото»? Да, что там, «золота»: и серебро шесть последних сезонов достается не нам! Как взяли в шестьдесят четвёртом – и всё! Про этот сезон и прошлый я вообще молчу! Пятое место! Позор! Даже «Химик» и СКА – выше нас! А в прошлом году и свердловский «Автомобилист» нас обскакал! Дожились, нечего сказать! Доигрались!

Леонид Ильич был искренен в своих переживаниях: давненько уже «Динамо» не падало так низко. И не только в турнирной таблице, но и в его глазах.

– Чего не хватает? Ведь «Динамо» – базовая команда МВД? Я лично просил Николая...

При упоминании имени Щёлокова Андропову редко удавалось сохранить «нейтральное лицо». Но сейчас Леонид Ильич не интриговал: вопрос – не политический, а болельщический.

– ... чтобы клуб не только ни в чём не ущемляли, но и всячески помогали! И грех им жаловаться на отсутствие внимания!

– Плохо ведём селекционную работу, – вздохнул Андропов. – Люди ЦСКА не оставляют без внимания ни одного перспективного юнца. И в результате, всё лучшее – у них. Да и Гречко, в отличие от Щёлокова – настоящий болельщик.

Юрий Владимирович никогда не упускал возможности «лягнуть» министра внутренних дел. Правда, делал он это всегда «по уму», «к месту» и по месту: если и ниже пояса – то с обратной стороны.

– Может быть, – уклонялся от критики министра Брежнев: всему – своё время. «Divide et impera!» никуда не денется. – До пятнадцати игроков сборной – армейцы. Фактически ЦСКА – это и есть сборная. А у нас кто? Кого из молодых удалось найти и поднять до уровня сборной? Только Сашу Мальцева да Валеру Васильева!

– А у нас больше и нет никого, – подхватывал эстафету «самокритики» Андропов. – Давыдов – личность, но он уже – «на сходе». А остальные игроки: Мотовилов, Чичурин, Самоchёрнов, Белоножкин, Репс – хорошие ребята. Преданные «Динамо». Бьются до конца, не жалея ни себя ни соперника. Но...

Юрий Владимирович удручённо разводил руками.

– ...они, как бы это сказать помягче: «чернорабочие хоккея». Как говорят в НХЛ: «подносчики патронов». Не Локтевы, не Фирсовы, не Старшиновы, не Юрзиновы. Не тот уровень. А без подкрепления другими асами Мальцев, Васильев и Давыдов ничего не сделают. Даже под руководством такого тренера, как Чернышёв.

– Согласен, Юра. Хотя, может, дело не только в этом, но и в методике Чернышева. Не даёт она того результата, как у Тарасова в ЦСКА. Другой подход. Тарасов – диктатор. А Чернышёв.... Может, отсюда – и все наши проблемы? Вся наша неготовность к борьбе за «золото»?

Андропов неуверенно пожал плечами.

– Кто знает, Леонид Ильич... Хотя лично мне Чернышёв нравится. Да и не зря же в сборной он – первый в дуэте.

– Может, по причине мягкости характера, а не по величине таланта? – упрямылся Брежнев. И в своих выводах он был не одинок: многие болельщики думали точно так же.

Андропов промолчал. Сняв очки, он принялся неспешно протирать их стёкла носовым платком.

– Я не прав? – «расшифровал маневр» Брежнев.

В вопросах хоккея Юрий Владимирович имел возможность не соглашаться с Генеральным: не политика, всё-таки. Но сейчас он не был готов к однозначному ответу.

– Не знаю, Леонид Ильич. Пожалуй, ответить можно так: мы отстаём от ЦСКА и в подборе игроков, и в тактике. Отстаём и в физической подготовке. Здесь я с Вами согласен: надо перенимать опыт Тарасова в части предсезонной подготовки и обеспечения функциональной готовности игроков.

И Андропов, и Брежнев оперировали терминами, относящимися к хоккею, так же легко, как и политическими: болельщиками они были настоящими. Среди хоккейных болельщиков образца семидесятого года практически не было ни хулиганов, ни алкашей, которые приходят на матч не смотреть, а «показывать» – исключительно себя. Хоккейная публика выгодно отличалась от футбольной: другой спорт, другая специфика, другие условия, другой «микроклимат». Вот и болельщики – другие...

Глава сороковая

Тридцатого марта тысяча девятьсот семьдесят первого года не только КПСС, не только граждане СССР, не только «прогрессивное», но и всё остальное, более или менее грамотное человечество, узнали о том, в СССР появилась новая историческая общность людей: советский народ. А также о том, что в СССР построено общество развитого социализма.

Ну, по поводу того, почему население страны было наречено советским народом, вопросов никто и не задавал: общность действительно имелась. Несмотря на затаившийся в быту национализм. Возможно, объявляя о «появлении» «нового» народа, Леонид Ильич как раз и метил в этот самый национализм. Или, как минимум, предупреждал его о том, что новая социальная общность даёт ему отныне право защищать её от поползновений не только внешних, но и внутренних врагов.

А вот с обществом развитого социализма было сложнее. Сразу же подрастал вопрос: что это такое, и чем вызвано его «появление» – точнее, объявление о «построении»? Творцом этой «идеи» являлся не Брежнев: Леонид Ильич был практиком, а не теоретиком. Подбросил ему эту идейку, конечно же, аппарат. Он же – аппарат – сочинил и формулировку. Он же дал и толкование. То есть, определил параметры этого самого «общества развитого социализма». В трактовке «мастеров идеологического обеспечения» под развитым социалистическим обществом понимался современный этап развития социалистического общества в СССР, характеризующийся высоким уровнем развития материально-технической базы социализма, зрелостью социалистических общественных отношений, высокой степенью социального и идейно-политического единства общества, развитым социалистическим типом личности. Брежневские «теоретики» определили «развитой социализм» как «второй этап зрелости первой стадии коммунизма».

За этим набором штампов и набивших оскомину трескучих фраз без труда просматривалась цель. Если данному состоянию общества отводилось много лет жизни, и перерастать в коммунизм оно должно было постепенно, в ходе коммунистического строительства, то замедление темпов становилось не таким заметным. Консервация состояния общества с его «отдельными недостатками» получала идейное обоснование.

Идеологическая обслуга Брежнева со временем смогла безошибочно угадать доминанту настроений, взглядов и политики Генсека: сохранение стабильности. Эти люди уже поняли, что никаких революций, контрреволюций, резких поворотов, экспериментов и иных потрясений при Леониде Ильиче не будет. Этому «меню» Брежнев явно предпочитал другое. Он был эволюционистом – по природе и жизненному опыту. Отсюда и стремление закрепить результаты на относительно длительный исторический период. А в длительности его Леонид Ильич не сомневался.

В любом случае, он не только не собирался лично форсировать события, но и не видел серьёзной возможности для этого. И, потом: Брежневу не нужны были потрясения. Больше того: он понял, что потрясения не нужны были и народу. Даже при том, что дела обстояли не всегда так радужно, как представляли их политинформаторы.

Леонид Ильич действительно понял свой народ. Народ не желал катаклизмов. Научившийся выживать и в менее благоприятных условиях, народ был спокоен за своё будущее при Брежневе. И даже отдельные – пока ещё отдельные – бытовые неурядицы не отвращали его от политики Генерального секретаря. Люди знали: то, чего нет на прилавках, есть «под прилавком»! Надо лишь «потрудиться нагнуться». В смысле: поклониться. Поклониться нужным людям.

Брежнев не был реформатором. Но, не будучи ни Витте, ни Столыпиным, он вполне мог повторить вслед за ними: «Вам нужны великие потрясения – мне нужна великая Россия!». То есть, этакий «Витте-Столыпин с партбилетом»!

«Стабильность!» Такой видел Леонид Ильич цель своего правления. А стабильность – это постоянство. Постоянство покоя. Постоянство мирной жизни. Постоянство порядка. Неспешное – без рывков – продвижение вперёд. Перманентная уверенность в том, что завтра обязательно настанет – и будет оно не хуже, чем сегодня.

Человек вообще – а русский и советский особенно – в массе своей всегда склоняется к порядку. Брежнев готов был предоставить ему этот порядок. Пусть даже и «законсервированный» в неизменном виде на долгие годы – уже как «общество развитого социализма»: в отличие от Никиты Сергеевича, Леонид Ильич не видел коммунизма даже на убегающем горизонте...

При всём при том, год семьдесят первый был далеко не худшим годом в истории некогда пролетарского государства. За время пребывания Брежнева «у руля» промышленная продукция выросла почти в два раза.

Лучшая иллюстрация – цифры. Так, среднегодовой прирост добычи нефти вместе с конденсатом составлял семнадцать миллионов тонн, угля – около шестнадцати миллионов тонн: у США – восемь и полтора миллиона соответственно. СССР уже почти догнал США по производству минеральных удобрений, которые не только шли на внутренний рынок, но и являлись одной из важнейших статей экспорта, приносящей немалые доходы в валюте.

За все годы после Хрущёва рост химической, нефтехимической промышленности, машиностроения и металлообработки составил два с половиной раза, электроэнергетики – почти два раза, чёрной металлургии и топливной промышленности – полтора. В прошлом, семидесятом году, добыли триста пятьдесят три миллиона тонн нефти, а на этот год планировали выйти на рубеж четырёмсот миллионов. Газа добыли сто девяносто восемь миллиардов кубометров, угля – шестьсот двадцать четыре миллиона тонн. Стали выплавлять вдвое больше, чем в шестидесятом году. К миллиону штук приближалось уже ежегодное производство автомобилей.

А в быту? В прошлом же году было выпущено четыре миллиона сто шестьдесят пять тысяч радиоприёмников и радиол – вдвое больше, чем десятью годами раньше. По телевизорам рост – четырёхкратный. По холодильникам – восьмикратный, по стиральным машинам – шестикратный. Валовая продукция сельского хозяйства составила девяносто один миллиард рублей – в сравнении с шестьюдесятью шестью миллиардами в последний хрущёвский год. Зерна собирали в среднем за год сто девяносто два миллиона тонн – против ста тридцати миллионов тонн в лучшие хрущёвские годы. Национальный доход страны вырос в два раза. Работаем!!!

Даже «ахиллесова пята» социализма – пищевая промышленность – и та дала полутора-кратный рост. Она произвела семь миллионов сто сорок четыре тысячи тонн мяса – против четырёх миллионов четырёмсот тысяч в шестидесятом году. Здесь имелся рост по всем позициям: по маслу сливочному, по маслу растительному, по цельномолочной продукции, по кондитерским изделиям!

И выросло не только производство, но и потребление. Так, если в шестидесятом году мяса «уедалось» до сорока миллионов тонн в год, то в семидесятом – свыше пятидесяти. Сахар: двадцать восемь и сорок миллионов тонн соответственно. Ну, как не назвать такую жизнь «сладкой»?!

И так – по всем показателям, за исключением потребления хлеба и картофеля: здесь – снижение. Но ведь партия и ставила цель замены грубой низкокалорийной пищи ростом потребления мяса, молока, рыбы, овощей и фруктов! Ну, кто после этого скажет, что мы стоим на месте – тем более, катимся назад?! Нет – движемся вперёд! Работаем! В общем, Леонид Ильич мог быть доволен результатами своей деятельности. А также тем, как к ней и к ним относятся его соратники.

Любовно разглядывая пахнувшие свежей типографской краской сигнальные экземпляры двухтомника, Брежнев довольно хмыкнул:

– «Ленинским курсом»! Надо же... Ай, да Михаил Андреевич!

Но ему действительно было приятно. «Ленинским курсом»! Какие аналогии! Какие параллели! Какие оценки! Ну, как тут не исполниться оптимизма! Как говорится, «верной дорогой идёте, товарищи!»

И Леонид Ильич оценил «понятливость» Суслова и его фактическую капитуляцию. Генсек с готовностью признал Михаила Андреевича своим «вассалом» де-факто: ему был нужен такой человек. Пусть он и не являлся человеком его команды, пусть он пришёл к нему из «другого двора» – Брежневу нужен был этот человек.

Брежневу нужен был идеологический «Цербер», который не хуже мифического стража Аида охранял бы незыблемость учения и его, Брежнева, положения. А лучше Суслова с этой ролью не справился бы никто, как бы ни упрекали Михаила Андреевича в приверженности догмам, отжившим методам работы, формализму и «мертвечине».

И ещё одно немаловажное обстоятельство подвигало Леонида Ильича к принятию услуг главного идеолога: тот уже не претендовал на большее, чем статус «политического приживалы». Он ясно дал понять Генсеку: «сохраните за мной кресло – и я Ваш до конца дней!». Верный стилю, Леонид Ильич не стал форсировать процесс обновления Политбюро. Оппозиционеры должны были сами подготовить свою «оптимизацию». То есть, сами, с течением времени, стать «политическими доходягами», которых можно будет без проблем и лишнего шума «сплавить» послами или заместителями министров «чего-нибудь». Главное он видел в том, чтобы не упускать вопроса из виду. Никакого «самотёка»: процесс должен двигаться «в нужном направлении».

А Леонид Ильич должен ему помогать: и двигаться, и определяться с направлением. В переводе на язык дел это означало: обставлять строптивцев своими людьми; постепенно лишать полномочий; не лишая места в Политбюро, перебрасывать на другие «важные участки» работы, гарантированно обеспечивающие «вымирание» конкурентов.

В арсенале у Леонида Ильича было много средств медленного политического «умерщвления» оппонентов. В сравнении с ним семейка Борджиа со своими допотопными методами работы выглядели жалкими дилетантами. А, вот, Николо Маккиавелли мог бы гордиться таким последователем: не зря писался «Государь». В работе с оппонентами Брежнев не знал себе равных. Все эти, «а ля Павка Корчагин», «беззаветные борцы за коллективный стиль руководства» выглядели в сравнении с Брежневым, как библейский Давид – в сравнении с Голиафом, только без пращи и булыжника. Безоружные, то есть. Слабые и незащитные.

Но, действительно полагая недоброжелателей обескровленными, Леонид Ильич не собирався останавливаться на полпути. В кадровых вопросах он не признавал полумер. И никакого, тут, «всё – или ничего!»: только всё! Будучи человеком незлобивым и не мстительным – а, напротив, добрым и совсем не жадным, он мог беззаветно поделиться с тем же Вороновым последним куском хлеба. С человеком Вороновым.

Но «подкармливать» Воронова-политика он не собирался. Здесь уже вступал в силу закон естественного отбора: выживает сильнейший! А хотя бы – и неестественного! Поэтому Брежнев не стеснялся исповедовать установку: «Падающего – подтолкни!» Ничего личного: только политика!

Се ля ви! Таковы законы сурового политического бытия! Или, как говорил Остап Бендер, «жизнь диктует нам свои суровые законы!». Но «толкать падающего» нужно культурно, с соблюдением этикета и «правил техники безопасности». Даром, что «конечная остановка» – пропасть и небытие.

Со стороны этот «толчок» должен выглядеть «рукой помощи», которую соратник либо не заметил, либо не так истолковал. Словом, он же – и виноватый.

Поэтому Леонид Ильич не стал устраивать «подковёрной возни» с тем, чтобы не допустить очередного избрания в состав Политбюро Воронова, Шелепина, Полянского и Шелеста. Хотя ему не составляло труда организовать компанию «по неизбранию» указанных товарищей – по причине выбывания из числа товарищей. А что такого: «инициативу снизу»? Но, Бог с ними – пусть избираются! Пусть тешат себя последними иллюзиями – если не хватило сообразительности отречься от них!

Вместо этого «неконструктивного шага» Леонид Ильич предпринял другой. Он обеспечил избрание Гришина членом Политбюро. Заслужил Виктор Васильевич. И не десятью годами стажировки в кандидатах, а десятью годами верноподданности. Та же «участь» «постигла» и Щербицкого – надёжную опору Леонида Ильича на Украине, гаранта незыблемости положения Генерального секретаря во второй по численности республиканской парторганизации. Тем самым Брежнев не только противопоставлял его Шелесту, не только уравнивал их политический статус, но и ясно давал понять Петру Ефимовичу, что дни того на политическом Олимпе сочтены.

А вот верного Федю Кулакова – «героя антихрущёвского сопротивления», «подпольщика шестьдесят четвёртого года», ему удалось «вознести» сразу же на самый верх, минуя ступень кандидата! Это был большой успех. Мало того, что Кулаков был вернейшим сторонником Леонида Ильича, он при этом был ещё и неприкрытым соперником – и даже недругом – Полянского! Классический «враг моего врага». Это было вдвойне приятно. Сие «историческое событие» произошло девятого апреля – на первом же после окончания работы съезда пленуме ЦК.

Леонид Ильич подготовил не только кадры и общественное мнение к съезду. Он подготовил и очередной удар по недругам, пусть и дышащим на ладан. Так, Воронов был избран в Политбюро уже не главой правительства РСФСР, а председателем Комитета народного контроля.

– Товарищи считают, – в традиционной для себя манере объяснился по телефону Леонид Ильич, – что надо срочно укреплять Народный контроль. Это – важнейший участок работы, который мы за другими делами как-то запустили. Твоя кандидатура, Геннадий Иванович, нашла полную поддержку у товарищей.

Вот так, вот: не пинка тебе даём из Предсовмина России, а оказываем высокое доверие – пусть и ступенькой ниже! «Кандидатура нашла полную поддержку»! Учились бы у своего Генерального, как надо работать, товарищи оппозиционеры!

Место Воронова в Совете Министров РСФСР теперь занимал Соломенцев – человек хитрый, изворотливый, хорошо «ориентирующийся в обстановке», и давно уже понявший, «кто тут есть ху» и у кого этот «ху» есть. При всех карьеристских устремлениях, Соломенцев не обладал качествами лидера, не стремился в вожди – и по этой причине более чем устраивал Леонида Ильича.

Разумеется, не только это определило выбор Брежнева: работать Михаил Сергеевич умел. В те годы на руководящих должностях в партии дураков не держали. Не зря же Брежнев неуклонно «продвигал» перспективного товарища: Соломенцев работал и в Челябинске, и в Караганде, и в Алма-Ате. Работая вторым секретарём ЦК Компартии Казахстана, Михаил Сергеевич не только сам «правильно сориентировался» перед октябрём шестьдесят четвёртого, но и «правильно сориентировал» товарищей.

Тогда Леониду Ильичу было ещё не по силам отблагодарить Соломенцева «за верность принципам коллективного руководства» и «деятельное участие в борьбе с «волютаризмом и субъективизмом». Поэтому тот отбыл в Ростов-на-Дону, «на обком». Но уже в шестьдесят шестом, на первом после съезда пленуме ЦК, Брежнев сумел «организовать» избрание Михаила Сергеевича секретарём ЦК. Теперь же он не видел препятствий для дальнейшего роста верного человека.

С учётом всех этих обстоятельств Леонид Ильич решил не затягивать с введением Соломенцева в состав Политбюро. Он подключил все каналы, надавил на все имеющиеся рычаги – и смог «убедить» товарищей: уже на следующем, ноябрьском Пленуме, Соломенцев был избран кандидатом в члены Политбюро...

С избранием Кулакова членом Политбюро статус Полянского существенно понизился. И не потому, что «наверху» появился ещё один «брежнев». Для Дмитрия Степановича это было уже не существенно: из политической борьбы он выбыл. И это было не только объективным фактом, но и его собственным решением. Третий вождь «антихрущёвского сопротивления» теперь думал лишь о том, как бы уцелеть в своём нынешнем качестве.

Но отстоять даже занимаемые рубежи Дмитрию Степановичу не удалось. С избранием Кулакова в Политбюро – сразу полноправным членом – у Полянского «отобрали» весь Агропром. Под надзором у него остался только Минсельхоз.

Леонид Ильич «обезвредил» бывшего соратника ловко и корректно. И, главное: «на законных основаниях». Ведь Кулаков, длительное время работавший заведующим Отделом сельского хозяйства ЦК, а потом – отраслевым секретарём ЦК, считался «наверху» крупнейшим – после Леонида Ильича, разумеется – знатоком отрасли. Как-то так получилось, что Полянский со временем утратил прежний авторитет. Он даже сам не заметил, как.

И вот теперь, «продвинув» своего человека в Политбюро, Леонид Ильич «порадел» тому в обретении максимума полномочий. Фактически теперь Кулаков определял сельскохозяйственную политику – или, как минимум, отвечал за неё в Политбюро. Полянский же со временем превратился из хозяина в слугу, в рядового чиновника «без права голоса».

Оригинальность ситуации: «член Политбюро без права голоса» – как-то не веселила. Ведь, оставшись наедине с тяжелейшей отраслью и её проблемами, не будучи в силах влиять на принятие решений, он превращался в хрестоматийного «козла отпущения» со всем набором услуг. Отныне «сельскохозяйственные шишки» становились достоянием исключительно его головы. А, вот, успехи отныне связывались только с «мудрой политикой ЦК во главе с товарищем Леонидом Ильичом Брежневым». Своей доли аплодисментов – прихватив и чужую – удостоивался теперь и секретарь ЦК Кулаков.

В итоге, Брежнев сделал так, что Полянскому стало уже совсем не до политики: «не до жиру – быть бы живу». Всю остаточную энергию Дмитрию Степановичу пришлось направить исключительно на решение проблем сельского хозяйства – увы, бесконечных.

Правда, он попытался объяснить с Генеральным. Хотя Воронов и отговаривал его: «нечего махать кулаками после драки». Сам Воронов уже не собирался «махать».

– Леонид Ильич, отняв у меня Агропром и оставив только одно министерство, Вы лишили меня всех прав: только обязанности! Как же работать в таких условиях?

Брежнев отвёл взгляд в сторону: неприятного личного разговора избежать не удалось, так как Дмитрий Степанович подошёл к нему сразу же после заседания Политбюро. Леонид Ильич очень не любил «выяснять отношения». В своей практической деятельности он неукоснительно придерживался того принципа, который один писатель даже сделал названием своего романа: «Убей меня нежно!» Расставаясь с бывшими соратниками – «посредством ноги» – Леонид Ильич всегда старался придать этому расставанию вид любовного. Хотя любовью, во всех без исключения случаях, занимался он один: согласия партнёров не требовалось.

– Ты неправильно ставишь вопрос, Дмитрий Степанович. Что значит: я «отнял»? Товарищи так решили! Товарищи решили, что необходимо усилить внимание к сельскому хозяйству. Причём, не просто внимание, а внимание партии! Политбюро! Товарищ Кулаков – человек опытный, авторитетный на селе, хорошо разбирается в его вопросах. Кого, как не его, отряжать тебе в подмогу? Как говорится, «одна голова – хорошо, но и вторая – не пятая нога зайцу»!

«Отражать тебе в подмогу!» Наконец, Дмитрий Степанович понял, что разговаривать дальше бесполезно: «убойный» довод – а сам неубиваемый. И ещё он понял то, что судьба его делает очередной – и, вероятно, последний свой поворот. Больше всего его поражало то, что решение Брежнева действительно выглядело так, словно принималось всеми членами руководства: как никто другой, Леонид Ильич умел соблюдать «внешние приличия». И ведь никто не возражал! А некоторые даже думали, что мнение Брежнева – это, в том числе, и их мнение. Даже больше того: что резолюция Генсека – это концентрированная воля руководства!

– Ты не обижайся на товарищей, Дмитрий Степанович Леонид Ильич «погладил» объект работы мягким взглядом. – Товарищи хотят тебе помочь: работы-то – неупорот. Поэтому включайся! Я, конечно, знаю о ваших трениях с Кулаковым. Но надо стараться находить общий язык! Надо добиваться взаимопонимания! Для пользы дела, прежде всего! Пусть не будет дружбы, но пусть будут крепкие товарищеские отношения!

«Да, Леонид Ильич, – „отсемафорил“ глазами Полянский. – Не разглядели мы тебя. Я думал, ты проще. А в тебе – даже не два дна. Ты – как та экспортная матрёшка: открываешь одну – в ней вторая, открываешь вторую – в ней третья... „Товарищи“... Такой довод не прошибёшь! Да, Лёня: куда нам всем до тебя...»

А «Лёня» был теперь совсем не «Лёня». И даже не «Леонид Ильич», а «товарищ Леонид Ильич Брежнев». Партийное обращение превратилось в некое подобие титула. Или звания. Неважно, что сочетание всех этих слов нарушало давно установленный партийно-речевой норматив и даже правила грамматики: прежде бы сказали либо «товарищ Брежнев», либо «Леонид Ильич».

Самому Генеральному новая форма обращения пришлась по душе – и даже прошлась: елеем и мёдом. В очередной раз он оценил таланты «главного идеолога»: идея и в самом деле принадлежала Михаилу Андреевичу. И не только идея, но и её воплощение в жизнь. Именно Суслов первым «определил» Генсека «товарищем Леонидом Ильичом Брежневым». Точно так же, как чуть раньше он первым выдал быстро ставшую «крылатой» фразу «...и лично Леонид Ильич Брежнев». Фразу, ставшую не просто «крылатой», но обязательной – и даже «общим местом».

И это были не просто слова: это было наглядное свидетельство изменившегося положения Леонида Ильича в партии и её руководстве. Именно двадцать четвёртый съезд, именно семьдесят первый год стали теми рубежными датами, которые разделили «эпоху Брежнева» на две части: «до» и «после». Именно двадцать четвёртый съезд закрепил всё то, что Леонид Ильич «наработал» к семьдесят первому году. В том числе, и события года прошедшего, когда Брежнев впервые продемонстрировал соратникам, кто тут есть «ху», и кого этот «ху» есть...

Удачно начавшийся год удачно и заканчивался: ожидалось выдвижение Брежнева на Нобелевскую премию мира. За решение германского вопроса. Вместе с канцлером ФРГ Брандтом.

– Как быть?

Леонид Ильич и в самом деле находился в затруднительном положении.

– Как быть, Михаил Андреевич?

Суслов был, конечно же, польщён оказанным доверием: чин советника в таком щекотливом деле ко многому обязывал... всех остальных.

Он задумался. Хотя, скорее всего, старательно имитировал процесс: наверняка, идя к Генеральному, уже продумал варианты.

– Вопрос, конечно же, интересный, Леонид Ильич. С одной стороны, вручение Генеральному секретарю ЦК КПСС такой авторитетной на Западе награды повысит и Ваш авторитет, и авторитет партии, и авторитет страны. Это – очень важно. Но, с другой стороны...

Суслов исполнился, пусть и не искреннего, но качественного сожаления.

– ...кто – в комитете? Записные антисоветчики! Удобно ли принимать премию из рук тех, кого мы постоянно – и по заслугам! – клеймим, как идейных врагов? Не зря древние говорили: «Если тебя хвалит враг – задумайся!».

В очередной раз Михаил Андреевич отработал в формате «и честь соблюсти, и капитал приобрести»: и большевиком себя показал, и Генсеку посочувствовал. Он давно уже понял, что Брежневу очень хочется стать лауреатом солидной международной премии. Леонида Ильича уже не удовлетворяли дифирамбы внутреннего производства. И он заслуживал такой награды. Не поощрения, не аванса на будущее: награды! Так, кстати, считали и многие на Западе.

Но главный идеолог видел и другое: Леонид Ильич твёрдо отдаёт себе отчёт в том, что собой представляет эта премия. Принять её коммунист не мог «по определению»: в Осло сидели убеждённые противники социализма и СССР. Это ретроградство идеолога было уместно.

– Один Брандт получит награду за то, во что я внёс, куда больший вклад, – пожалел себя Брежнев. – Несправедливо!

Он помолчал, всё ещё борясь в душе с самим собой: не каждый день «номинаруют» буржуи!

– Но Вы правы, Михаил Андреевич: мне эту премию принимать нельзя. Это поднимет меня, но уронит идею.

В уголках его глаз блеснули слёзы – не скупые и не мужские: решение было на грани самопожертвования.

– Чёрт с ней, с премией...

Около трёх часов днём одиннадцатого сентября в кабинете Брежнева на Старой площади раздался звонок. Леонид Ильич скосил глаза на батарею телефонов: звонил телефон прямой связи с Председателем КГБ.

– Слушаю тебя, Юра.

– Леонид Ильич, – раздался в трубке взволнованный, слегка надтреснутый голос Андропова, – умер Хрущёв.

– Когда? – не слишком огорчился Брежнев.

– Около часа тому назад.

Словно извиняясь за задержку с оповещением Генсека, Андропов смущённым голосом добавил:

– Пока узнали... пока уточнили...

– Всё в порядке, Юра, – успокоил его Брежнев: сам он почему-то никак не мог разволноваться. Не получалось. А, может, и не старался. – Значит, ушёл Никита...

Разволноваться не получилось, зато получилось взгрустнуть. Нет, Леонид Ильич не испытывал чувств: было бы, к кому. Но и сказать «Труп врага всегда хорошо пахнет» язык не поворачивался – ни сам, ни следом за мыслями. Леонид Ильич вдруг остро почувствовал, что с уходом Хрущёва ушла в прошлое значительная часть его собственной жизни – так, словно кто-то перевернул страницу книги. Почему-то вспомнилась немецкая фраза, когда-то вызубренная наизусть в школе: «Schade, das die zeit so schnelle ging vorbei». – «Жаль, что время проходит так быстро». А, может, вовсе и не «почему-то», а потому, что именно эта, казалось бы, совершенно неуместная фраза, точнее всего отражала душевное состояние Леонида Ильича.

Андропов тактично выжидал, пока Хозяин «усвоит информацию». Но «процесс усвоения» явно затянулся, вероятно, совмещаясь с другими процессами – и Юрий Владимирович не выдержал:

– Какие будут распоряжения, Леонид Ильич?

– А?

Брежнев медленно выбрался из себя.

– Что ты говоришь?

Андропов прочистил горло: не понял реакции. Не расшифровал.

– Я спрашиваю, Леонид Ильич, какие будут распоряжения? Ну, относительно... хм... похорон... и всего прочего?

– Распоряжения?

Даже голосом Брежнев сумел удивлённо пожать плечами.

– Какие ещё могут быть распоряжения, Юрий Владимирович?

– Ну...

Явно смущённый реакцией Генсека, Андропов замялся.

– ... Всё-таки, Хрущёв был главой партии и правительства...

– Юрий Владимирович...

Иронические нотки в голосе Леонида Ильича перешли в разряд назидательных.

– По высшему разряду мы хороним только действующих политических деятелей. Тех, кто на момент смерти состоял при должности, а не при садовой лейке. Ты меня понял? Так что никакой Красной площади – если ты на это намекал.

Андропов «намекал» на это, но «афронтом намёку» не огорчился: ему же меньше хлопот – как Председателю КГБ.

– Новодевичье?

Брежнев не стал выдерживать паузу.

– Да. Вполне приличное место. Масса приличных людей. Так, что Никита не должен быть на нас в претензии за окружение. Наоборот, это окружение может выставлять претензии за такое соседство.

– А...

Андропов ещё раз смущённо закашлялся.

– Что ещё? – догадался Генсек.

– Характер похорон?

– Семейный.

Если Юрий Владимирович был предельно краток, то Леонид Ильич был предельно категоричен.

– Никакого официоза. Никаких почётных караулов. Никаких салютов. Никаких речей от имени партии и правительства. Только обеспечение порядка.

– Понял, Леонид Ильич. Последний вопрос: когда давать оповещение в прессе, и в какой форме?

– Когда?

Брежнев на мгновение задумался.

– В день похорон. Тринадцатого, да? Значит, тринадцатого. А что касается формы...

Леонид Ильич ещё немного поспел в трубку.

– ... Простое извещение. Дескать, ЦК КПСС и Совет Министров СССР извещают... только без глубокой скорби...

Он усмехнулся.

– ... о том, что... на семьдесят восьмом?... на семьдесят восьмом году жизни скончался бывший такой-то – дать должности – пенсионер союзного значения Никита Сергеевич Хрущёв.

Помедлив, Леонид Ильич утратил добродушие – на пару фраз, как «на пару слов»:

– Пусть ещё скажет спасибо за то, что семь лет прожил на пенсию, о которой простые люди и мечтать не смеют. Да ещё определён на Новодевичье кладбище... По заслугам его бы – в безымянной могиле, под номером...

Отчасти Брежнев имел право на такую жёсткость в оценках. Вопрос об исключении и даже аресте Хрущёва с последующим его преданием суду был снят только благодаря его позиции. Ведь очень многие делегаты того октябрьского Пленума ЦК были настроены исключительно решительно. И если бы Брежнев не отказал Хрущёву в выступлении перед Плену-

мом, развитие событий пошло бы по наихудшему сценарию. И всё закончилось бы именно так: исключением, арестом, судом – и «номерной могилой».

И, потом: ведь именно Леонид Ильич настоял на предельном размере пенсии Хрущёву – в пятьсот рублей. И это при том, что все секретари ЦК – и сам Генеральный – получали по семьсот рублей оклада. А минимальная зарплата советских граждан составляла всего шестьдесят рублей. Есть, что с чем сравнивать – и есть, на что жить!

И пусть все эти годы имя Хрущёва предавалось забвению, но, с другой стороны, никто его и не трепал. Ни разу – за исключением случая с опубликованием на Западе книжки мемуаров – никто и не потревожил Никиту Сергеевича. Чего ещё желать отставнику, при жизни осрамившемуся до конца дней своих?

...Тринадцатого в обед Андропов докладывал Генеральному секретарю о выполненной работе.

– Порядок обеспечили, Леонид Ильич.

– Народ был? – без особого интереса поинтересовался Брежнев.

– Человек двести. Практически все – знакомые и друзья семьи. Никого из действующих политиков не было. Из отставников – тоже.

В голосе Юрия Владимировича послышалась какая-то недосказанность.

– «Колись», Юра! – усмехнулся Леонид Ильич.

– Микоян прислал венок. От себя лично.

– Микоян?

Леонид Ильич побряхтел в трубку. Выразительно, так, побряхтел.

– Правильно мы сделали, Юра, что спровадили его! Сколько же лиц у этого человека! Вот, уж, действительно: «специалист по бегу между струйками»!

Андропов понял: только что, на его глазах – точнее, на ушах – Брежнев приговорил Анастаса к забвению. Больше к отставному «президенту» хода не было: ни самому Брежневу, ни его окружению. *Damnatio memorigi*: закон об осуждении памяти. И не в Древнем Риме, а в современной Москве.

– Иностранцы были?

– Только корреспонденты. Человек с полсотни. Может, чуть больше. Но вели себя прилично. И вообще: всё прошло тихо и без эксцессов.

– Речи?

– Только сынок. Но вполне безобидно.

– Ну, и ставим точку на этом, – «приговорил вопрос» Брежнев. – Тема исчерпана...

Глава сорок первая

Наступающий год – год пятидесятилетия образования СССР, очередных Олимпийских игр и чемпионата Европы по футболу был отмечен, ещё одним, не менее важным событием: в Москве ждали президента Соединённых Штатов. Впервые за всю историю двусторонних отношений: приезд в сорок пятом Рузвельта на Крымскую конференцию – это не совсем то же самое, что государственный визит.

К визиту гостя принимающая сторона готовилась более чем основательно. И не только – «по линии» повестки. Неожиданно возник протокольный вопрос: где принимать Никсона? В рабочем кабинете Генерального секретаря на пятом этаже дома номер четыре на Старой площади? Но это будет нарушением дипломатического протокола: визит-то – государственный! Американцы до поры, до времени помалкивали, но если бы принимающая сторона уведомила их о намерении принять главу Белого дома в своей партийной резиденции, «наши американские друзья» не задержались бы с демаршем.

Однако в Москве не нуждались в подсказках из-за океана.

– Нужно срочно оборудовать кабинет в Кремле! – распорядился Леонид Ильич.

И это было правильное решение. Много времени для его воплощения в жизнь не потребовалось: Брежневу чужды были изыски и вычурность. Поэтому кабинет был обставлен едва ли не по-спартански: стол Леонида Ильича, стол для заседаний, стулья, диван для отдыха, кресла. Справа от входа – столик с графином и бутылками с минеральной водой. Слева от рабочего места Брежнева – ещё один столик: едва только Леонид Ильич начал обживатьсь на новом месте, как на столе сразу же оказались свежие номера «Правды», «Комсомолки», «Советского спорта» и журнала «Крокодил». Стены кабинета, обшитые «в полроста» дубовыми панелями «на сталинский лад», были украшены портретами Маркса и Ленина: Брежнев решил, что их присутствие не должно слишком, уж, шокировать заокеанского гостя.

Леониду Ильичу его новый кабинет понравился. Да и резиденция в Кремле – это не то же самое, что кабинет на Старой площади. Здесь Генсек впервые за многие годы испытал ренессанс чувств. Тех самых – от бытия Председателем Президиума Верховного Совета: сладкое бремя власти не партийной, но государственной. Пусть даже тогда – как и сейчас – это было в значительной степени имитацией власти. Красивой декорацией.

Появился и новый секретарь – специально «под кремлёвский кабинет»: Захаров Олег Алексеевич. Четвёртый – в дополнение к трём старожилам Старой площади: Блатову, Голикову и Цуканову. Отныне устанавливалось дежурство: каждый из четвёрки сутки работает – двое отдыхает. Как сторож на базе.

...Визит можно было назвать успешным уже хотя бы потому, что Никсон вообще приехал в Москву. Ну, и закончился он не без договорённостей – в первую очередь, по вопросам ограничения численности стратегических наступательных вооружений. Брежнев в очередной раз – теперь уже американцам – показал себя убеждённым сторонником мира. Но не менее важным было и то, каким Леонид Ильич выглядел в глазах американского президента. Никсон был поражён тем, как держал себя советский лидер.

– Никогда бы не подумал, что встречу в лице этого как будто добрячка человека властного, решительного и беспощадного.

После очередного раунда переговоров выжатый лимон выглядел бы свежее Никсона. Президент и не считал нужным маскироваться от госсекретаря Киссинджера: тот, несмотря на «лисий» характер, чувствовал себя едва ли намного лучше.

– При иных режимах, в прошлые времена, этот человек вполне мог бы претендовать на титул «Леонид Великий» или «Леонид Грозный» – наподобие царя Петра или царя Ивана!

Никсон, конечно же, не знал русской истории: просветили «советологи» – уже в самый канун визита.

– Знаете, Генри, Вы можете мне не поверить, но меня временами не покидало ощущение, что я – на допросе в КГБ, а Брежнев – следователь, выколачивающий из меня показания.

Это мнение, в несколько приглаженном виде, стало доступно западному обывателю, и сыграло определённую роль не только в изменении – в лучшую сторону – отношения к улыбочивому русскому коммунисту, но и к его стране в целом...

В этом же году, руководствуясь указаниями Леонида Ильича, советская делегация на Олимпийских играх в Мюнхене «исправилась» и взяла убедительный реванш у американцев за поражение в Мехико четырьмя годами раньше. Так как «спорт высоких достижений» – как застенчиво именовали у нас де-факто профессиональный спорт – давно уже стал частью политики, Леонид Ильич был доволен.

Олимпиада преподнесла и ещё один сюрприз, относящийся к спорту уже частично: захват арабскими террористами заложников и решительные действия израильского спецназа по их освобождению.

– Да, – вынужден был похвалить евреев Леонид Ильич. На этот раз – не за изворотливость и зубные протезы. – Кто бы мог подумать: евреи – и вдруг такая прыть?! Это же не их область!

– Ну, почему? – корректно возразил Андропов. – Вспомните, Леонид Ильич, как евреи в шестидесятом году выкрали в Аргентине Эйхмана, и «диппочтой» переправили его в Израиль?

– Да, да... – подозрительно рассеянно согласился Брежнев. – Кстати, Юра, что это было?

– В каком смысле?

– Ну, что использовали сионисты: десантников, морскую пехоту, полицию?

Юрий Владимирович отрицательно покачал головой.

– По нашим данным, это было особое подразделение, специально предназначенное для борьбы с террористами. Находится оно в штате израильской разведки «Моссад».

Брежнев задумался. Хотел даже подключить к этому процессу сигарету – но передумал: врачи не рекомендовали. А настойчивей их не рекомендовала хроническая бессонница.

– А у нас в КГБ есть такая структура?

– Нет, Леонид Ильич. Правда...

Андропов замялся.

– Ну?

– Было у нас когда-то диверсионно-террористическое подразделение. Помните Судоплатова?

– Ну, помню. И?

– Ну, у того подразделения была другая специфика. Оно предназначалось для... хм... совсем, уж, деликатных работ: точечных, «ювелирных». А здесь – почти фронтовой характер спецопераций.

Брежнев нахмурился.

– У кого, кроме Израиля, ещё есть такие подразделения?

– У многих, Леонид Ильич.

Андропов старался не смотреть в глаза Генсеку, хотя вопрос не тянул на «прокурорский»: скорее – «информация к размышлению». Но Юрий Владимирович прятал не только глаза, но и вину в них – так, словно лично отвечал за «отсутствие наличия».

– Например?

– Например, у Великобритании. У Франции. У ФРГ. У Италии. Разумеется, у США.

Неожиданно Юрий Владимирович отважился на прямой взгляд, хотя редко испытывал потребность в таком взгляде даже в обращении с подчинёнными.

– И в связи с этим у меня есть предложение, Леонид Ильич.

– Слушаю.

– Создать аналогичное подразделение в структуре КГБ.

Увидев, что Брежнев намеревается поработать бровями, Юрий Владимирович не дал реакции Генсека оформиться – и ринулся с доводами наперевес. Отработал «на опережение».

– Никаких дополнительных ассигнований не потребуется. Изыщем внутренние резервы. А такое подразделение необходимо – и не только для работы против террористов.

– Но ведь у нас есть разведывательно-диверсионные подразделения ВДВ... – всё же выдал сомнение Брежнев. И это не было сомнением в целесообразности: в силу многолетней привычки к обстоятельности, Генсек «охватывал» вопрос со всех сторон.

– Это – армия, Леонид Ильич. У подразделений ВДВ – своя специфика. Да и политический момент надо учитывать: «не с руки» армии участвовать в обезвреживании террористов и...

Андропов на мгновение замялся.

– ...некоторых деликатных операциях.

Брежнев переместил брови к переносице: задумался.

– Может быть, может быть... Ну, что ж: давай, попробуем. Пробовать будешь ты. Отвечать – тоже...

«Золотой» дождь олимпийских наград отчасти «пролился бальзамом» на рану, нанесённую удручающим поражением сборной от западных немцев в финале чемпионата Европы. Ещё во время полуфинала с венграми, Брежнев разделил удручённость с Андроповым, традиционно сидящим рядом:

– Ну, разве это – игра? Разве с такой игрой можно на что-то надеяться в матче с ФРГ?

Леонид Ильич был прав: на «предолимпийской неделе» всего лишь за три недели до финала сборная СССР вчистую проиграла западным немцам: один – четыре. Игра с венграми в полуфинале не прибавила энтузиазма: играли откровенно плохо. Победа была натужной, вырванной буквально «зубами». Ещё – везение. А ещё – Рудаков.

– Если бы не Рудаков – чёрта с два мы бы выиграли!

И действительно, еженедельник «Футбол-Хоккей», восторгаясь игрой киевского вратаря, писал: «Будем честными: этот матч выиграл Рудаков! Один!».

Но на второй матч Рудакова не хватило. Да и маловато его было одного против Мюллера, Нетцера, Бэккенбауэра, Виммера, Хёссеса и Хейнкеса. Нельзя сказать, что Рудаков сыграл плохо: он всего лишь не выручил. Да и не мог выручить при такой безобразной игре команды в обороне, которая усугубилась поразительной «беззубостью» атаки. Всего два приличных удара по воротам Майера: первый – Дзодзуашвили под перекладину при счёте ноль – ноль (как только немец вытянул!), и второй – Хурцилавы в перекладину, уже при ноль – два. И – всё!

– Этого дела так нельзя оставлять!

В разговоре с Председателем Федерации футбола Валентином Гранаткиным Брежнев и не скрывал раздражения.

– Ладно бы, бились «до конца»! Ну, не хватило мастерства: немцы объективно сильнее! Это было бы понятно! Но ведь игру сдали практически без боя! Девяносто минут валяли дурака, позоря страну на глазах у миллионов телезрителей!

Гранаткин молчал: а что он мог сказать?

– Немедленно разберитесь с разгильдяями – и чтобы духу их в команде не было! Не хотят играть за страну – не надо: никто их силком тащить не станет!

Леонид Ильич нахмурился – и смягчил приговор:

– Я ни на кого не указываю персонально – а то начнут ещё говорить, что так решил Генеральный секретарь! С виновными определитесь сами.

По результатам «определения» несколько человек были выведены из состава сборной. Особенной критике подверглись за безвольную или же невыразительную игру Коньков, Козинкевич, Байдачный и Банишевский.

Последний к играм за сборную больше не привлекался никогда. А ведь ему исполнилось всего лишь двадцать шесть. И уже несколько последних лет он являлся одним из лучших нападающих отечественного футбола. А также единственным игроком в Союзе, кто умел «работать на втором этаже»: лучше него головой не играл никто.

Из совсем молодых игроков рядом с ним можно было поставить девятнадцатилетнего Кожемякина, который только-только начал отрабатывать аванс, выданный ему после юношеского чемпионата Европы. Там он едва не стал лучшим игроком турнира, лишь несколько голосов уступив восходящей звезде португальского футбола Жордао. Леониду Ильичу очень нравился этот юный перспективный динамовец, но при этом он полностью разделял мнение Льва Яшина о «капризном даровании»: «Года не прошло, как наш Кожемякин задрал нос».

Решение по Банишевскому, в какой-то мере, было справедливым: безусловно, незаурядный мастер, Анатолий играл «через раз». Сегодня мог показать выдающийся футбол – а назавтра «отбыть номер». Ну, какой тренер станет терпеть такой «график»?!

А год начинался оптимистично! Родное хоккейное «Динамо», прервав шестилетнюю полосу неудач, завоевало серебряные медали чемпионата страны. Второй год подряд. Практически тем же составом, которым дважды до этого «удостаивалось» пятого места. Конечно, о том, чтобы посягнуть на первое место, и речь быть не могло: позиции ЦСКА выглядели непоколебимыми. И тем не менее, пустячок – из приятных!

– Вот умеем же, когда захотим!

Обмениваясь мнениями о прошедшем сезоне с Андроповым – единственной «родственной душой» – Брежнев радовался, как мальчишка.

– Значит, всё дело – в подготовке к сезону и психологическом настрое.

И тому, и другому Леонид Ильич и Юрий Владимирович поспособствовали основательно. Правда, Андропов – лишь в той мере, в какой ему это позволяли рамки должности: всё-таки, «Динамо» – чужая «епархия».

Однако эта «ложка мёда» была основательно подпорчена «бочкой дёгтя»: впервые за последние десять лет сборная проиграла чемпионат мира. И, ладно бы – шведам: посчитали бы это нонсенсом, случайностью – и успокоились. Так ведь нет: проиграли чехам. Извечным соперникам в борьбе «за золото» последних десяти лет.

И это было уже не случайностью: в прошлом году в Швейцарии чехи обошли нас в зачёте чемпионата Европы. И если бы не совершенно нелогичное поражение в первом круге от США один – пять, они отобрали бы у нас и золотые медали чемпионата мира. Звонок был – и тревожный.

С намёком на колокольный звон формата «по ком звонит колокол». Тем более, с учётом того, насколько классный состав подобрался у чехов: Дзурилла, Холечек, Хорешовски, Фарда, Мартинец, Глинка, Недомански, Иржи Холик, Кайкл, Бубла! С таким составом можно было обоснованно претендовать на первые роли в мировом хоккее.

– Похоже, мы слишком успокоились, – суммировал огорчение Андропов. – А тут еще победа на зимней Олимпиаде в Саппоро не лучшим образом настроила: «нам нет преград...»... В крайнем случае – «шапками закидаем»! Вот и «закидали»! А ещё к НХЛ примеряемся!

– Кстати, Юра, как ты считаешь, сможем ли мы обыграть профессионалов в серии матчей?

Андропов мгновенно встрепенулся, честно вытянув лицо: неожиданный поворот в разговоре.

– В гипотетическом смысле?

– В прямом.

– Не понял...

– Мы играем с канадцами...

Словно забавляясь растерянностью «собрата», Брежнев многозначительно доработал бровями.

– ... из НХЛ.

– Не может быть!

Изумление Юрия Владимировича было честным, но вряд ли приятным.

– Как?! Когда?!

– Когда? – усмехнулся Брежнев. – Ты хочешь спросить: когда договорились? Да пару дней тому назад.

– Что: прямо сейчас, в июне, будем играть с канадцами?! – добросовестно ужаснулся Андропов, чем вновь обрадовал Леонида Ильича.

– Нет, конечно: в этом месяце и у нас, и у них – каникулы. Контрактом определён сентябрь.

– Контрактом?!

– Ну, да, – будничным тоном подтвердил Брежнев. А ведь это – почти что «социалистическая революция, о которой всё время твердили большевики»! Мы – и профессионалы?! С ума сойти! – Старовойтов уже подписал его от имени Федерации.

– А ЛИХГ?

– Международная федерация согласна.

Брежневу не нужно было расшифровывать аббревиатуру.

– Тем более что контракт подписывался на конгрессе ЛИХГ в Майами, штат Флорида.

Он усмехнулся.

– В общем, «таможня даёт добро».

В прошлом году Леонид Ильич одним из первых увидел только что вышедший на экраны фильм Мотыля «Белое солнце пустыни». Картина настолько задела его за живое, что он расчувствовался и даже всплакнул. Несколько фраз из фильма моментально прилипли к мозгам и к языку. И так было не только с Брежневым: фильм получился народным...

Андропов с сомнением покачал головой.

– Мы – и профессионалы... Особенно сейчас, после фиаско в Праге... Стоит ли?

Вопрос навалился на Брежнева – и тот устало откинулся в кресле.

– Я и сам был в раздумьях. Тем более что канадцы грозятся «разбить нас в пух и прах». Как мне доложили, там у них даже принимают ставки на то, смогут ли русские забросить хотя бы одну шайбу. Понимаешь: не на то, выиграют ли русские хотя бы один матч, а на то, забросят ли они хотя бы одну шайбу!

Он усмехнулся, и покачал головой.

– Говорят, на нас ставят так низко, что в случае успеха счастливчик получит целое состояние.

– Ну, вот, – траурной миной на лице «обрадовался поддержке» Андропов. – Я и говорю: стоит ли?

– А с другой стороны...

Брежнев словно не расслышал «оптимизма» Юрия Владимировича.

– ... сейчас нам предоставляется уникальный шанс разбить эту легенду о непобедимости профессионалов. Да и что мы теряем, Юра?

Его глаза вдруг озорно блеснули в Андропова.

– Даже, если побьют нас, ничего страшного не случится. После того позора, что мы заполучили от чехов, проиграть канадцам из НХЛ не стыдно! Даже почётно! Большого позора, чем от чехов, мы вряд ли претерпим!

– А вдруг канадцы разделают нас «под орех»? – заранее сдавшись канадцам, не сдавался Брежневу Андропов. – Это ж позора не оберёшься: чехам-то мы проиграли достойно, всего одну шайбу: два – три! А в первом круге и вовсе сыграли вничью!

– Канадцы – не чехи! – отмахнулся Брежнев – и рукой, и словом. – Тут совсем другие мерки. Другой уровень. Поэтому, даже если мы проиграем с неприличным счётом – ничего страшного. Зато сравним, как говорят учёные, потенциалы, и посмотрим, чего мы стоим в таком соперничестве. Потом уже можно будет делать выводы.

Он вдруг привлёк Андропова за плечи к себе.

– А, знаешь, Юра, мне почему-то кажется, что мы не опозоримся с канадцами. Я тебе даже больше скажу: мы их побьём!

– Да, ну, Леонид Ильич...

Растерянная улыбка по-хозяйски обосновалась на лице Андропова: Леонид Ильич «шутят». Такого шапкозакидательства настоящий болельщик не может себе позволить. Это – удел безграмотных политиканов, не знающих, с какого конца за клюшку браться.

– А вот увидишь!

В отличие от Андропова, Леонид Ильич не улыбался.

– Я не говорю, что мы выиграем всю серию: это вряд ли. Всё-таки, канадцы играют в другой хоккей, неизвестный нам. Надо ещё к ним попривыкнуть. Но пару матчей мы у них выиграем – голову даю на отсечение! И шайбы будем забрасывать в каждой игре!

Андропов недоверчиво хмыкнул.

– Вашими бы устами, Леонид Ильич...

– Юра, да что же мы так своих-то принижаем?!

Брежнев с добродушной укоризной смотрел на Андропова.

– Или мы до сих пор в танкистских шлемах играем? Или не выигрываем уже третью Олимпиаду подряд? Видели мы этих профессионалов!

Слова Леонида Ильича шли не в контексте с «белыми тапками» и «последней упаковкой»: видели в прямом смысле. Глазами. В шестьдесят седьмом на чемпионате мира в Вене в составе канадской сборной выступал защитник «Торонто Мейпл Лифс» Карл Бревер. Игрок он был незаурядный: недаром же его неоднократно включали в первый и второй состав «Олл старз» НХЛ. Но наши с ним справились!

– Я думаю, стоит рискнуть, Юра! Даже не рискнуть: попробовать! Тем более что мы уже связаны контрактом – а Советский Союз договоры привык соблюдать.

– Как он умудрился его подписать?

Капитулируя в главном, Андропов «пошёл по следу».

– Как? А вот сейчас мы узнаем об этом.

Леонид Ильич тут же потянулся к телефонной трубке. Он не стал звонить Андрианову, а попросил дежурившего сегодня Захарова – Брежнев всё больше времени проводил не на Старой площади, а в Кремле – разыскать Старовойтова. Тот являлся членом Исполкома ЛИХГ: Лиг Интернасьональ де хоккей сюр глас. В переводе с французского: Международная Федерация хоккея на льду.

Вскоре Олег Алексеевич доложил Генсеку:

– Леонид Ильич: Старовойтов.

– Здорово, хоккеист! – запросто, как старого доброго приятеля, Леонид Ильич «похлопал по плечу» хоккейного чиновника. – Ну, что: готовишься к матчам с канадцами?.. Да, уже знаю. Посоветоваться? А чего теперь советоваться? Теперь играть надо! Кстати...

Он заговорщически подмигнул Андропову.

– ... как случилось, что ты подписал контракт с профессионалами? Хочешь объяснить лично? Не возражаю. Давай прямо сейчас. И захвати с собой Тарасова с Чернышёвым... Ах, вот так даже...

Брежнев нахмурился.

– Тогда приезжай сам. Ждём тебя.

Положив трубку, он поработал бровями не для портрета.

– Они, видишь ли – люди принципиальные...

– Что: не хотят работать в сборной? – догадался Юрий Владимирович. Хотя тут и гадать не требовалось: намерения Чернышёва и Тарасова ни для кого не являлись секретом. Оба уже неоднократно заявляли, что сезон «семьдесят один-семьдесят два» будет для них последним. Сезон закончился – и они «держат слово». Выдохлись мужички. Исчерпали себя. Старый «багаж» истратился, а новым не обзавелись.

Но кое-кто уже начал выставлять провалившихся тренеров «жертвами чиновничьего произвола»: «мсть за Саппоро». Надо было на Олимпиаде «позволить взять медальку» не американцам, а чехам: «большая политика!». Постфактум тренеры – «ни сном, ни духом!» – стали «борцами с тоталитаризмом»...

Председатель федерации прибыл менее чем через полчаса.

– Он здесь, – доложил Захаров: Леонид Ильич попросил сразу же известить его о прибытии хоккейного чиновника в независимости от того, кто у него будет в данный момент на приёме.

А принимать Леониду Ильичу, словно врачу-терапевту в поликлинике, приходилось иногда человек до тридцати в день. Правда, такое случалось нечасто: только в дни пленумов, когда к нему «косяками» шли со своими проблемами секретари обкомов, крайкомов, республиканских парторганизаций – и «просто» члены и кандидаты в члены ЦК.

Генсек не отказывал никому. Только заранее распоряжался о том, чтобы секретари в первую очередь пропускали к нему членов и кандидатов в члены Политбюро. Но и в данном случае он мог отступить от заведённого порядка, и в виде исключения принять члена ЦК, у которого на руках билет на поезд или самолёт: при всём желании Леонид Ильич не мог – да и вряд ли захотел бы – нарушить график работы транспорта. В этом также проявлялась его, столь редкая среди политиков, человечность.

Хотя бывали случаи, что уже своим графиком секретари выводили «Хозяина» из себя. Тогда Леониду Ильичу изменяло не только спокойствие, но и объективность. Он взрывался – и начинал «профилактику аппарата» на тему «научной организации труда и рационального использования рабочего времени»... Генерального секретаря.

Но потом – и так было чаще всего – он быстро «отходил сердцем», и шёл навстречу «пожеланиям товарищей». Иногда даже благодарил помощников за то, что те не убоялись «высочайшего» гнева: встреча с посетителем оказалась полезной. Особенно, если польза была не только для дела, но и для дела Леонида Ильича.

Сейчас же Брежнев, в кабинете у которого всё ещё находился Андропов, быстро дал указания секретарю ЦК Капитонову, и ещё быстрее дал понять тому, что не смеет его задерживать.

– Давай его сюда, Олег!

Леонид Ильич отработал рукой «зовущий жест».

Спустя мгновение Андрей Васильевич Старовойтов перешагнул порог кабинета Генерального секретаря.

– Подключайся!

Брежнев рукой показал гостю на стул.

– Ну, сознавайся: как это ты «попал в историю»? Юрия Владимировича...

Он покосился на Андропова.

– ... очень заинтересовал этот вопрос.

Старовойтов побледнел: он и так вернулся с конгресса совершенно расстроенным – а к нему уже, оказывается, проявляет интерес КГБ. Да и то, что его с порога «брали в оборот» как-то не бодрило.

– Как Вам известно, Леонид Ильич...

Андрей Васильевич нисколько не сомневался в том, что Генсеку известно, если не всё, то многое: «внеслужебная» страсть Леонида Ильича ни для кого не являлась секретом.

– ... в последний раз канадцы выступали на чемпионате мира в шестьдесят девятом.

Брежнев кивнул головой: «известно».

– Потом они потребовали, чтобы им разрешили включить в сборную профессионалов. Однако президент ЛИХГ Ахерн упёрся – и «хуч убей»! Тогда канадцы «хлопнули дверью» и ушли.

Старовойтов платком утёр вспотевший лоб.

– Но, не собираясь возвращаться на чемпионаты, они вдруг предложили нам провести серию матчей с их сборной. Вначале речь шла исключительно о любителях. А потом канадцы заявили, что сильных любителей у них не хватает, и на несколько позиций они выставят профессионалов.

Брежнев и Андропов обменялись ироническими взглядами, а Старовойтов протяжно вздохнул.

– Ахерн был не против. Ну, и я не стал возражать. Но когда канадцы представили список игроков, которых они намереваются заявить на матчи, у меня, Леонид Ильич, извините за выражение, глаза на лоб полезли: в команде не осталось ни одного любителя – только профессионалы! И какие: Эспозито, Маховлич, Голсуорси, Опп, Микита, Халл! Лучшие из лучших: уж, я-то знаком с профессиональным хоккеем!

– А Вы не пробовали возражать? – попробовал укорить Андропов.

Андрей Васильевич удручённо развёл руками.

– А что толку возражать, когда контракт подписан?! Тем более что в нём была строка о том, что Канада имеет право заявлять профессионалов, а советская федерация не возражает. Договорённость о том, что заменят лишь несколько позиций, была устной.

– Короче говоря, провели Вас канадцы.

Плечи Старовойтова опустились, как по команде.

– Получается, что так...

– Да не терзайся ты так, Андрей Васильевич! – рассмеялся Брежнев, Ну, подписал – и подписал! Правильно сделал.

Старовойтов опешил: не верь ушам своим?

– Конечно, правильно!

Леонид Ильич решительно отнёс сомнения Андрея Васильевича на счёт своей дикции и его слуха.

– Когда-то же надо выяснить с ними отношения! Ты как считаешь: готовы мы сразиться с канадцами?

– ... – потянул носом Старовойтов: «посчитал».

– Отчего так?

– Очень уж неоднозначный вопрос, – соответствовал рангу Андрей Васильевич: дипломат – он и в спорте дипломат.

– Чем же это?

Андрей Васильевич вздохнул.

– А кому играть? «Старики» ушли из сборной: Майоров, Давыдов, Ромишевский, Старшинов, Фирсов... А молодёжь...

Он огорчённо махнул рукой: самая убедительная квалификация «мастерства».

– Фирсов?

Брежнев наморщил лоб, вспоминая.

– Он ведь ушёл буквально только что, по окончании этого сезона.

– Да. Ну, и что: всё равно ведь ушёл.

– Но ведь он всегда сожалел о том, что не удалось встретиться на льду с профессионалами. Сколько раз сам заявлял об этом в газетах.

Леонид Ильич ещё не знал, что, кроме газет, уже имелся и более весомый довод: Фирсов готовил к публикации книгу под рабочим названием «Зажечь победы свет» – строка из песни к фильму «Хоккеисты». Книга должна была в скором времени выйти в издательстве «Физкультура и спорт». И, несмотря на то, что книжку написал не Фирсов, а известный спортивный журналист Спасский – это скромно именовалась «литературная записка» – в ней знаменитый хоккеист высказывал сожаление о том, что ему не довелось и уже не доведётся сыграть с профессионалами.

– Заявлял...

– Ну, вот: теперь ему предоставляется такая возможность. Больше повода сожалеть у него не будет.

Старовойтов покривил щекой – тактично, но недвусмысленно.

– Мы, конечно, поговорим с ним... Попробуем переубедить.

– Я думаю, что другие «старики»: Давыдов, Старшинов, Ромишевский, Кузькин – не откажутся постоять за честь страны, – словно перенял эстафету неуверенности Брежнев. – А что касается тренеров...

Он задумался.

– ... Не на одних же Тарасове и Чернышёве свет клином сошёлся!

– Есть у нас кандидатура...

Старовойтов в очередной раз не исполнился энтузиазма.

– Мы там, у себя, предварительно говорили уже с Бобровым: он согласен.

– Ну, вот!

Леонид Ильич энергично обернулся к Андропову.

– Значит, уже полдела сделано! С Бобром всё будет, как надо! И в отличие от некоторых, он не трусит канадцев.

Это были не просто слова: Брежнев уже «слышал краем уха», что на федерации Тарасов был категорически против матчей с профессионалами.

– Мы ещё не готовы играть на таком уровне! – кричал он там. – Мы только опозоримся перед всем миром! И все будут говорить, что наши чемпионские медали ничего не стоят, что настоящие чемпионы мира – канадцы!

Это удивляло Брежнева: ведь Тарасов всегда был поборником регулярных встреч с канадцами. Хотя, вероятно, он имел в виду только встречи с любителями. А, может, «как до дела – так и в кусты»?

– А то эти «некоторые», – не пожалел иронии Леонид Ильич, – могут «сражаться» с профессионалами только на сэндвичах, за обеденным столом.

Брежнев почти дословно процитировал один их эпизодов статьи Тарасова, опубликованной в литературном альманахе «Это хоккей», вышедшем годом ранее. В ней – в статье – Тарасов описывал свою встречу в Вене с Карлом Бревером и то, как они сэндвичами – откладывая их на свою сторону – отмечали превосходство наших и профессионалов в том или ином компоненте игры. Тогда этот «поединок» закончился вничью.

– Да и о молодежи ты зря так...

Брежнев укоризненно покачал головой.

– У нас, к примеру, есть отличная тройка цээсковских нападающих, которые теперь играют за «Крылья»...

Он защёлкал пальцами, и, так и не вспомнив, обернулся за помощью к Андропову.

– Лебедев, Анисин, Бодунов, – «оказался на месте» Юрий Владимирович.

– Вот! А Мальцев? Харламов? Якушев? Они, что: «старики»? Никому из них и двадцати пяти нет!

– Якушеву уже двадцать пять, – «откликнулся из регистратуры» Андропов.

– А Третьяк: Он тоже «старик»? Ему только-только исполнилось двадцать! Да у нас – всего три игрока, которым за тридцать: Рагулин, Кузькин и Мишаков!.. Ну, и Старшинов с Фирсовым – если они, конечно, согласятся... А остальные – молодёжь! Но – молодёжь, давным-давно уже обстрелянная! «Я те дам!» молодёжь!

Старовойтов всё ещё никак не мог исполниться энтузиазма.

– Не дрейфь, Андрей Васильевич! – перешёл к директивам Брежнев.

– Вы, Леонид Ильич – прямо, как Бобров, – усмехнулся Старовойтов. – Тот тоже сказал мне, что надо не огорчаться, а прыгать от радости: дескать, в кои-то веки выпал шанс обыграть профессионалов...

Леонид Ильич дружески хлопнул гостя по плечу.

– Правильно сказал! Молодец, Бобёр! Семи смертям не бывать, а одной не миновать! Сколько верёвочке не виться – так почему бы не сейчас? Даже не так: когда же ещё, как не сейчас?! Ведь чем дольше мы будем откладывать встречу, тем больше будем мандражировать! Чем больше мыслей – тем больше страхов! Это же элементарно! А я думаю, что не так страшен чёрт, как его малюют!

Он решительно взмахнул рукой – так, словно рассекал напополам воздух.

– Только сейчас!

Вернувшись в кресло, он огласил «резолюцию».

– Значит, так. Сейчас отправляйся домой. Отдохни, как следует. А завтра, в это же время я жду тебя здесь вместе с Бобровым. Там и решим, что и как...

Глава сорок вторая

Назавтра Старовойтов был, «как штык». Вторым «штыком» отрабатывал Бобров.

– Это хорошо, Всеволод Михайлович, что ты не испытываешь страха перед профессионалами, как некоторые «большие специалисты».

Адресуя «свежий булыжник огорода» Тарасова, Брежнев знал, что между тем и Бобровым уже давно царят неприязненные, почти враждебные отношения. Они начались ещё тогда, когда Тарасов бросил играть и перешёл в тренеры. Куда более талантливый Бобров не желал выслушивать поучений заурядного игрока. Мелкие стычки переросли в «дружбу навек».

Но выражая уверенность в готовности советских хоккеистов к поединкам с канадцами, Всеволод Михайлович отнюдь не хорохорился: в отличие от Тарасова, он верил в победу. Он был убеждён в том, что советские хоккеисты имеют оснований для этой уверенности ничуть не меньше, чем заокеанские «проз». Бобров не терпел обывательского «профи», поскольку так профессионалы именуются только в немецком языке. В английском же языке сокращённое наименование их – во множественном числе – «проз». Только так их называют в США и Канаде.

Ни в чём не похожий на Тарасова, Бобров не был диктатором в хоккее. Но это не мешало ему, оставаясь «снаружи» добродушным мужичком, быть, куда большим воином, чем почти всегда пребывающий в ярости бывший партнёр по тройке. Напротив: это качество давало ему дополнительную уверенность в успехе.

– Команда укомплектована полностью, Леонид Ильич, – твёрдо заявил Бобров. – Во всех звеньях. Будем, конечно, ещё экспериментировать, искать оптимальные сочетания. Но всё, что мне нужно, у меня уже есть. Все игроки.

– А Фирсов? – моментально насторожился Леонид Ильич. – Фирсов разве Вам не нужен?

Простоватое лицо Боброва сделалось откровенно простецким. Как тут было не вспомнить Евтушенко: «Вихрастый, с носом чуть картошкой – ему в деревне бы с гармошкой, а он – в футбол, а он в хоккей».

– Толя, конечно – большой мастер. Но он уже ушёл. А я по себе знаю, как тяжело возвращаться. Хотя, если он решит вернуться, я его с удовольствием возьму. Такой боец команде не помешает.

– И такой щелчок! – энергично добавил Брежнев. – Ведь у нас ни у кого больше нет такого щелчка!

Бобров ещё раз посмешил гримасой.

– Ну, у Гусева неплохой щелчок. Но, конечно, не такой, как у Толи.

– Ну, вот и договорились!

Леонид Ильич звонко впечатал ладонь в столешницу.

– Ну, держись, НХЛ! Держись... этот... как его?..

Текст вместе с глазами пошёл к Андропову: Леонид Ильич плохо запоминал иностранные фамилии.

– Кэмпбелл, – в очередной раз оказался на месте Юрий Владимирович. И не один – а вместе с фамилией президента НХЛ...

...Суперсерия семьдесят второго года затмила собой даже Олимпиаду в Мюнхене: там ещё шли соревнования, когда второго сентября в монреальском «Форуме» состоялся первый в истории матч между хоккеистами-любителями и сборной лучших профессионалов НХЛ.

Профессионалы не досчитались двух самых сильных и самых «звёздных» игроков, двух Бобби: Халла и Орра. Первый, в свои тридцать три года в очередной раз «угодивший» в первый состав «Олл старз», неожиданно подписал контракт с «Виннипег Джетс» – клубом из конкурирующей с НХЛ ВХА – Всемирной Хоккейной Ассоциации.

Поскольку договорённость о проведении матчей имела с Национальной Хоккейной Лигой, то у боссов НХЛ были все основания не включать Халла в сборную, как «изменника». В руководстве Лиги к нему именно так и относились. Не помогли даже многочисленные обращения болельщиков и руководства ВХА: бизнес оказался важнее спорта – и даже политики.

Второй же, легендарный уже в свои двадцать четыре защитник «Бостон Брюинз» – также из первого состава «Всех звёзд», лауреат Кубка Стэнли, «Харт трофи» – приза самому ценному игроку лиги, и «Джеймс Норрис трофи» – приза лучшему защитнику – в очередной раз получил серьёзную травму. О восстановлении его к началу матчей не могло быть и речи.

Но и без них состав у канадцев был «я те дам!». Именно у канадцев: энхаэловцы с паспортами США в мастерстве существенно уступали северным соседям. Ворота у профессионалов должны были защищать Тони Эспозито – первый состав «Олл старз» плюс «Везина трофи» – приз лучшему вратарю Лиги, а также Кен Драйдено – вторая шестёрка «Всех звёзд» и «Колдер трофи» – приз лучшему новичку Лиги. Из игроков обороны выделялись Бред Парк – первый состав «Всех звёзд», Пэт Стэплтон – второй состав «Олл старз», а также пара из «Монреаль канадиенс» Серж Савар и Ги Лапойнт.

А какое было у канадцев нападение! И «первый среди первых» – Эспозито. Фил Эспозито, тридцатилетняя «суперзвезда» НХЛ, первый состав «Олл старз» плюс Кубок Стэнли и «Арт Росс трофи» – приз лучшему бомбардиру Лиги. Ещё, как минимум, три звёздных имени можно было поставить рядом с ним: Фрэнк Маховлич, Пит Маховлич и Стэн Микита!

Эти имена знали – пусть и понаслышке – практически все любители хоккея в СССР. После каждого имени можно было ставить восклицательный знак – и не один. Для советских людей, не знакомых ещё с профессиональным хоккеем воочию, эти хоккеисты уже при жизни стали легендами. Их имена звучали не менее громко, чем имена самых популярных в Союзе «звёзд» мирового кино тех лет: Брижит Бардо, Софи Лорен, Ален Делон!

Но и имена Ивана Курнуайе, Бобби Кларка, Рода Жильбера, Рэнди Кешмэна, Теда Беренсона, Жан-Клода Паризе, Жилия Перро и Денниса Халла отнюдь не были неизвестными для русских поклонников этой игры. Хотя бы – по статьям в еженедельнике «Футбол-хоккей».

Даже отсутствие следовавших за Бобби Халлом в ВХА вратаря Джерри Чиверса и защитника Жан-Клода Трамбле, годом ранее включённого в первый состав «Всех звёзд», а также объявившего о завершении карьеры Горди Хоу, не ослабили сборной. У канадцев на каждую позицию было по два-три равноценных игрока.

Сборная СССР также недосчиталась, как минимум, одного игрока, на которого многие рассчитывали, как на «козырную карту»: Фирсов «не услышал призывов». Формально осуждать его было не за что: товарищ объявил о завершении выступлений в сборной ещё до того, как стало известно о предложении НХЛ.

И, тем не менее, реакция была бурной. Особенно, в болельщицкой среде. Не было ни одного человека, который «не выразил бы непонимания». Ведь хоккеисту был всего тридцать один год – «детский возраст» по меркам НХЛ. У них там это – самый расцвет карьеры!

Чего испугался знаменитый игрок? Поражения команды? Удара по престижу советского хоккея? Или удара по личному престижу лучшего нападающего мирового любительского хоккея? Последнее казалось болельщикам наиболее вероятным. И это дополнительно настраивало спортивную общественность против Фирсова. Тем более что, как вскоре выяснилось, он решил не бросать хоккей и поиграть ещё пару сезонов за ЦСКА.

Зато сразу же откликнулся Старшинов. Вячеслав Иванович был на год старше Фирсова. Также, как и Анатолий Васильевич, он объявил о завершении карьеры игрока, и был уже назначен старшим тренером родного клуба – московского «Спартака». Но понадобился его опыт и авторитет – и Вячеслав Старшинов вновь надел свитер игрока сборной. Такие, вот сравнения – как «фитиль» «собрату-пенсионеру»...

Второго сентября, оставив все дела и на пару часов забыв обо всём на свете – даже о небывалом «в его царствие» неурожае – Леонид Ильич примчался на дачу. С собой он прихватил и Юрия Владимировича: одному смотреть хоккей настоящему болельщику противопоказано. Не с кем ведь даже перекинуться «парой слов» – и не только хоккейной тематики!

Матч начался так, как многие и предсказывали: уже на тридцатой секунде Фил Эспозито открыл счёт. Профессионалы обрушили на ворота Третьяка настоящий шквал атак. И через шесть минут и две секунды после первой шайбы мы уже проигрывали ноль – два: отличился Пол Хендерсон.

И что самое неприятное: наши были почти смяты. Оснований для оптимизма с каждой секундой оставалось всё меньше. Андропов, так до конца и не убеждённый Брежневым в необходимости «выяснение отношений с НХЛ» именно сейчас, старался не смотреть на Леонида Ильича: так сильно тот переживал начало. А тут ещё – врачи не позволяли «отвести душу» вместе с табачным дымом! В кабинете Леонид Ильич ещё нашёл, как выйти из положения: приглашал к себе курящего Захарова, клал перед ним пачку любимых сигарет «Новость»: «давай, обрабатывай!». Пассивное курение был теперь его максимумом.

И Захаров не подводил: искуривал одну сигарету за другой, «запаливая» её от предшественницы. Сейчас Леонида Ильич был лишён даже такой возможности: Юрий Владимирович не курил. Ему это занятие было противопоказано ещё больше, чем Генсеку: почки.

Брежневу уже доложили, что перед матчем в Канаде наибольшие ставки делались на счёт восемь – ноль в пользу НХЛ. Несколько меньшей популярностью пользовался счёт десять – ноль. Тоже в пользу Канады.

Ставок на победу русских не было. Правда, несколько смельчаков поставили на то, что русские забросят хотя бы одну шайбу. Но, скорее всего, это были не смельчаки: даже для смельчаков такой шаг – чересчур смелый. Наверняка, поставили домохозяйки, о хоккее знающие понаслышке: в лотерею чаще выигрывают не асы, а дилетанты.

И вдруг... Стрелки часов на табло «Форума» показывали одиннадцать минут сорок секунд первого периода, когда нападающий третьего звена Зимин получил пас в средней зоне, убежал и от своих, и от чужих – и счёт стал один – два. Зал встретил заброшенную шайбу гробовым молчанием: канадские болельщики просто не поняли, что случилось.

На семнадцатой минуте у нас – удаление. Но, играя в меньшинстве, наши сравнивают счёт. Мощнейшим щелчком, не уступающим фирсовскому, вторую шайбу в ворота Драйдена забрасывает Петров из второго звена.

Вот теперь зал обрёл голос. И в голосе этом было всё: недоумение, разочарование – и даже возмущение. Свои «звёзды» явно обманывали надежды аудитории. Период заканчивался уже в равной борьбе: русские освоились на маленькой площадке...

Ну, а потом был разгром. На двадцать третьей и тридцать первой минутах отличился Харламов. Правда, после второго перерыва Бобби Кларк отквитал одну шайбу – но и только. А наши огорчили Драйдена ещё трижды: на пятьдесят четвёртой минуте Михайлов, на пятьдесят пятой – Зимин, а за полторы минуты до конца матча точку в игре поставил Якушев. Семь – три в пользу СССР.

Такого не ожидал никто. Растерянные канадцы, сбившись в стайку, быстро покинули лёд. Наши, выстроившись для традиционного послематчевого рукопожатия, провожали их удивлёнными взглядами: в любительском хоккее такое неуважение – признак дурного тона. Хотя, как оказалось, у профессионалов не было принято поздравлять друг друга с победой или поражением.

– Меня ударили по карману – и я же должен благодарить за это?! – возмущался Фил Эспозито. Но, узнав, что в любительском хоккее послематчевый обмен рукопожатиями – давняя и неизменная традиция, обречённо махнул рукой:

– Хорошо, если они настаивают, то я даже готов целоваться с ними!..

– «Накостыляли» мы профессионалам! – ликовал Брежнев. – Я же говорил тебе, а ты мне не верил!

Андропов не возражал против критики: общая победа – выше личных амбиций.

– Нет, Юра, какой мы, русские, талантливый народ! Да, медленно запрягаем – но как быстро ездим! «И какой русский не любит быстрой езды!».

– Точно: впереди планеты всей! – «перевёл» Андропов. – И не только в космосе и в балете...

Второй матч уже отличался от первого. От былой снисходительности у профессионалов не осталось и следа. Теперь канадцы бились «не на жизнь, а на смерть» – в основном, чужую. Всего за одну игру русские заставили себя уважать. В итоге, четвёртого сентября в Торонто мы проиграли: один – четыре. Да и то, после двух периодов счёт был всего лишь ноль – один: в середине второго периода шайбу забросил Эспозито. Всё решилось в первой десятиминутке заключительного третьего периода. На сорок второй минуте Иван Курнуайе реализовал численное большинство: ноль – два. Через четыре с половиной минуты уже сборная СССР не пропустила канадцев: гол – на счету Якушева.

Но в отличие от первого матча, канадцы впали не в растерянность, а в ярость. И Маховличи: на сорок седьмой минуте Пит, а на сорок девятой – Фрэнк – «по-братски огорчили нас»: один – четыре...

– А я и не говорил, что мы выиграем у канадцев все матчи.

Леонид Ильич спокойно отнёсся к результату, хотя во время матча был не столь хладнокровен.

– Я говорил только, что мы в каждом матче будем забрасывать им шайбы. А профессионалы – молодцы: совсем другая игра. Не то, что в первом матче: никакого пижонства, никакой расхлябанности. И играть они умеют! Кое-чему не грех у них и поучиться...

– Силовая борьба, – тут же включился Юрий Владимирович. – Они у борта чаще всего переигрывают нас. Потом: вбрасывание. Тут уж в девяти случаях из десяти шайба остаётся за ними.

– А игра на «пяточке»? – не отстал в похвалах – она же самокритика – Леонид Ильич. – У нас только Михайлов да Старшинов пытались что-то сделать, а канадцы – все мастера!

Во втором матче принял участия и Вячеслав Старшинов. Выдающейся игры он не показал, но и «обедни не испортил». Нечего было портить: в этот день мы были гостями на чужом празднике.

– Вбрасывание шайбы в нашу зону – тоже любопытный момент, – продолжил «самобичевание» Андропов. – Ну, в нашем хоккее этот приём тоже используется – но так, от случая к случаю. Мы в основном входим в зону путём розыгрыша шайбы, при помощи комбинационной игры. А здесь это – главный способ проникнуть в зону противника!

– И ты заметил, Юра, как они вбрасывают шайбу?

Брежнев восхищённо покачал головой: настоящий болельщик умеет ценить не только своё.

– Не «абы как» – лишь бы «отмахнуться» от шайбы – а в точно определённое место, с точно рассчитанным отскоком, куда тут же устремляется пара канадцев, а другая пара уже расталкивает наших у ворот в расчёте на передачу или добивание. Кто-то обязательно дежурит у «синей линии». И что самое показательное: тот, кто вбрасывает шайбу, едва ли не с такой же скоростью тут же сам влетает в нашу зону! И ещё: как они отбирают шайбу у борта после вбрасывания в нашу зону! Один с размаху припечатывает нашего к борту, а другой тут же подхватывает шайбу!

– А как они бросают по воротам?! —

Юрий Владимирович от «самобичевания» перешёл к откровенной зависти.

– Едва получил шайбу – сразу бросок! И почти все – в створ! То есть, это – практика, а не случай.

– Да, у профессионалов есть, чем поучиться, – заключил хоккейный «шахсей-вахсей» Леонид Ильич. – Но и канадцам у нас – тоже. В командной игре, в комбинационной игре мы наголову выше!

– Согласен! – посветлел обычно жёлтым лицом Андропов. – Особенно – в комбинационной игре на скорости!

Одобрив взглядом одобrivшего его соратника, Леонид Ильич с удовольствием продолжил «реабилитацию» советского хоккея.

– Вообще, по сумме командных действий профессионалы нам – не конкуренты: в массе своей они, всё-таки, индивидуалисты. Каждый хочет забросить сам! А ведь и наши индивидуально – ничуть не хуже их «звёзд». А, Юра?

– Ничуть не хуже, Леонид Ильич! Третьяк, Харламов, Якушев не только не хуже Драйдена, Эспозито или Кларка, но кое в чём и получше будут! Вспомните, Леонид Ильич, как Харламов финтами раскидывал канадцев в разные стороны! А Якушев? Так на скорости проходить вдоль борта, прикрывая корпусом шайбу, да ещё работая одной рукой, не может даже Эспозито!

– В общем, Юра, я убеждён в том, что – ещё не вечер.

Это был первый случай, когда Леонид Ильич испытывал после проигранного матча состояние гордости – и даже энтузиазма.

– Мы ещё покажем им «кузькину мать»!

...«Показ кузькиной матери» начался уже в Виннипеге, где сборная СССР, проигрывая по ходу матча со счётом один – три и два – четыре, свела матч к ничьей усилиями Лебедева и Бодунова, которые впервые появились на канадском льду.

– А чиновники пытались убедить меня в том, что у нас нет талантливой молодёжи! – воздвигал себя после матча Леонид Ильич. – Помнишь, Юра, что я тогда сказал Старовойтову насчёт этих ребят из «Крыльев»?

Андропов улыбнулся.

– Конечно, помню, Леонид Ильич. Ваш прогноз относительно тройки Лебедев-Анисин-Бодунов начинает оправдываться «на все сто»...

В Москву сборная СССР возвращалась в ранге лидера серии: последний матч в Ванкувере наши выиграли со счётом пять – три. И третью шайбу – отличился Деннис Халл, брат знаменитого Бобби – канадцы забросили лишь за двадцать две секунды до конца матча.

Проанализировав качество своей игры, профессионалы воспользовались примером советских тренеров – и выставили на этот матч новых игроков. Вместо Пита Маховлича и Стэна Микиты – «суперзвёзд» НХЛ, не оправдавших возлагавшихся на них больших надежд – появились Деннис Халл и Жиль Перро. Игра канадцев стала более динамичной и комбинационной: эти парни умели играть не только на себя.

Но сборная СССР уже «распробовала» канадцев: ничего сверхъестественного в них не оказалось. Обигрывать их можно было в любом составе – даже если бы сейчас на лёд вышли оба Бобби: Орт и Халл.

В Москве билеты на предстоящие матчи были распроданы задолго до прибытия канадской сборной. В сентябре семьдесят второго года дефицитнее товара в столице не было. Для того чтобы стать обладателем заветного клочка бумаги, нужно было проявить упорства и изобретательности ничуть не меньше, чем это сделал герой одной из новелл популярного в те годы сборника «Это хоккей». А он прошёл по многозвенной цепочке житейского принципа «ты – мне, я – тебе».

Труднее всех пришлось настоящему болельщику: на трибунах правила бал номенклатура и прочая богема. А этим людям собственно хоккей был «до лампочки»: престиж. Они шли

на матчи не для того, чтобы смотреть на кого-то, а для того, чтобы смотрели на них. А, если они и смотрели, то лишь свысока – и отнюдь не на площадку...

Начало в Москве – как и окончание в Канаде – было за нами: пять – четыре. Но победа вышла какой-то натужной, на нервах, без привычного блеска. Возможно, утратилось чувство новизны. А возможно, наши слишком рано уверовали в то, что «вскрыли» профессионалов – и у тех уже не осталось «скрытых резервов». В результате после двух периодов мы проигрывали ноль – три. И только хорошая встряска, устроенная Бобровым, позволила советской команде разгромить канадцев в третьем периоде: счёт периода пять – один в нашу пользу.

Для того чтобы победить в серии, нам оставалось выиграть ещё один матч. Всего лишь один. С любым счётом. Или хотя бы сыграть вничью два из трёх оставшихся.

Но мы проиграли. Все три. У себя дома, в «Лужниках». И все три проиграли с разницей в одну шайбу. Больше всего огорчало то, что проиграли на последних минутах. Уже фактически два «выигрышных» ничейных матча.

В третьем московском – седьмом по счёту – матче Пол Хендерсон забросил победную шайбу, когда до конца игры оставалось лишь две минуты и шесть секунд. А в четвёртом матче шестая, победная для канадцев, шайба, влетела в ворота сборной СССР – опять же от клюшки Хендерсона – за тридцать четыре секунды до конца игры! Всего лишь тридцать четыре секунды отделяли советскую команду от ничьей в серии!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.